

ФАЗИЛЬ АБДУЛОВИЧ

ИСКАНДЕР

КРОЛИКИ И УДАВЫ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я   к л а с с и к а

Эксклюзив: Русская классика

Фазиль Искандер
Кролики и удавы

«Издательство АСТ»

1982, 1989

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Искандер Ф. А.

Кролики и удавы / Ф. А. Искандер — «Издательство АСТ», 1982, 1989 — (Эксклюзив: Русская классика)

ISBN 978-5-17-107314-5

Притча «Кролики и удавы» была, как и большинство шедевров Искандера советского периода, написана «в стол», впервые опубликована за рубежом, лишь в 1986 году предстала на суд российских читателей – и произвела скандал, сравнимый лишь с прижизненными публикациями язвительных сказок Салтыкова-Щедрина. На чем держится власть могущественных удавов над наивными, простодушными кроликами? На страхе – слепящем, иррациональном, сковывающем страхе. На чем держится идея неистово смелого кролика, попытавшегося скинуть эту кровожадную власть? На простом отрицании страха, – ведь чем можно запугать тех, кому в принципе нечего терять? Но почему кролики еще более недовольны столь революционной идеей, чем их ползучие хозяева и палачи? Быть может, потому, что и сами они, привыкшие жить в «маленькой, но очаровательной несправедливости» воровства и взяточничества, боятся смены власти куда сильнее, чем возможности быть съеденными?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-17-107314-5

© Искандер Ф. А., 1982, 1989
© Издательство АСТ, 1982, 1989

Содержание

Кролики и удавы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Фазиль Искандер

Кролики и удавы

© Ф.А. Искандер, наследники, 2018

© ООО «Издательство «АСТ», 2023

* * *

Кролики и удавы

Это случилось в далекие-предалекие времена в одной южной-преюжной стране. Короче говоря, в Африке.

В этот жаркий летний день два удава, лежа на большом мшистом камне, грелись на солнце, мирно переваривая недавно проглоченных кроликов. Один из них был старый одноглазый удав, известный среди собратьев под кличкой Косой, хотя он был именно одноглазый, а не косой...

Другой был совсем юный удав и не имел еще никакой клички. Несмотря на молодость, он уже достаточно хорошо глотал кроликов и поэтому внушал достаточно большие надежды. Во всяком случае, он еще недавно питался мышками и цыплятами диких индеек, но теперь уже перешел на кроликов, что было, учитывая его возраст, немалым успехом.

Вокруг отдыхающих удавов расстилались густые тропические леса, где росли слоновые и кокосовые пальмы, банановые и ореховые деревья. Порхали бабочки величиной с маленькую птичку и птицы величиной с большую бабочку. Вспыхивая разноцветным оперением, с дерева на дерево перелетали попугаи, даже на лету не переставая тараторить.

Иногда на вершинах деревьев трещали ветки и взвизгивали обезьяны, после чего раздавался сонный рык дремлющего поблизости льва. Услышав рык, обезьяны переходили на шепот, но потом, забывшись, опять начинали взвизгивать, и опять лев рыком предупреждал их, что они ему мешают спать, а он с вечера отправляется на охоту.

Обезьяны снова переходили на шепот, но совсем замолкнуть никак не могли. Они вечно о чем-то спорили, а чего они не поделили, было непонятно.

Впрочем, два удава, отдыхающие на мшистом камне, не обращали внимания на эти взвизги. Какие-нибудь глупости, думали они, иногда мимоходом улавливая обезьянью возню, какой-нибудь гнилой банан не поделили, вот и спорят...

– Я одного никак не могу понять, – сказал юный удав, только недавно научившийся глотать кроликов, – почему кролики не убегают, когда я на них смотрю, ведь они обычно очень быстро бегут?

– Как – почему? – удивился Косой. – Ведь мы их гипнотизируем...

– А что такое «гипнотизировать»? – спросил юный удав.

Следует сказать, что в те далекие времена, которые мы взяли описывать, удавы не душили свою жертву, но, встретившись, или, вернее, сумев подстеречь ее на достаточно близком расстоянии, взглядом вызывали в ней то самое оцепенение, которое в простонародье именуется гипнозом.

– А что такое «гипнотизировать»? – стало быть, спросил юный удав.

– Точно ответить я затрудняюсь, – сказал Косой, хотя он не был косой, а был только одноглазый, – во всяком случае, если на кролика смотреть на достаточно близком расстоянии, он не должен шевелиться.

– А почему не должен? – удивился юный удав. – Я, например, чувствую, что они у меня иногда даже в животе шевелятся...

– В животе можно, – кивнул Косой, – только если он шевелится в нужном направлении.

Тут Косой слегка поерзал на месте, чтобы сдвинуть проглоченного кролика, потому что тот вдруг остановился, словно услышал их разговор.

Дело в том, что в жизни этого старого удава был несчастный случай, после которого он лишился одного глаза и едва остался жив. Каждый раз, когда он вспоминал этот случай, проглоченный кролик останавливался у него в животе, и приходилось слегка поерзать, чтобы сдвинуть его с места. Вопросы юного удава опять напомнили ему этот случай, который он не любил вспоминать.

– Все-таки я не понимаю, – через некоторое время спросил юный удав, – почему кролик не должен шевелиться, когда мы на него смотрим?

– Ну, как тебе это объяснить? – задумался Косой. – Видно, так жизнь устроена, видно, это такой старинный приятный обычай...

– Для нас, конечно, приятный, – согласился юный удав, подумав, – но ведь для кроликов неприятный?

– Пожалуй, – после некоторой паузы ответил Косой.

В сущности, Косой для удава был чересчур добрый, хотя и недостаточно добрый, чтобы отказаться от нежного мяса кроликов. Он делал для кроликов единственное, что мог, он старался их глотать так, чтобы причинить им как можно меньше боли, за что в конце концов поплатился.

– Так неужели кролики, – продолжал юный удав, – никогда не пытались восстать против этого неприятного для них обычая?

– Была попытка, – ответил Косой, – но лучше ты меня об этом не спрашивай, мне это неприятно вспоминать...

– Но, пожалуйста, – взмолился юный удав, – мне так хочется послушать про что-нибудь интересное!

– Дело в том, – отвечал Косой, – что восстал именно мой кролик, после чего я и остался одноглазым.

– Он что, тебе выцарапал глаз? – удивился юный удав.

– Не в прямом смысле, но, во всяком случае, по его вине я остался одноглазым, – сказал Косой, прислушиваясь, как воздействуют его слова на движение кролика внутри живота. Ничего, кролик как будто двигался...

– Расскажи, – снова взмолился юный удав, – мне очень хочется узнать, как это случилось...

Косой был очень старый и очень одинокий удав. Взрослые удавы к нему относились насмешливо или враждебно, поэтому он так дорожил дружеским отношением этого еще юного, но уже вполне умелого удава.

– Ладно, – согласился Косой, – я тебе расскажу, только учти, что это секрет, молодые удавы о нем не должны знать.

– Никогда! – поклялся юный удав, как и все клянущиеся в таких случаях, принимая жар своего любопытства за горячую верность клятве.

– Это случилось лет семьдесят тому назад, – начал Косой, – я тогда был не намного старше тебя. В тот день я подстерег кролика у Ослиного Водопоя и вполне нормально проглотил его. Сначала все шло хорошо, но потом, когда кролик дошел до середины моего живота, он вдруг встал на задние лапы, уперся головой в мою спину и...

Тут Косой внезапно прервал свой рассказ и стал к чему-то прислушиваться.

– Уперся головой в твою спину, и что? – в нетерпении спросил юный удав.

– Сдается мне, что нас подслушивают, – сказал Косой, поворачиваясь зрячим профилем в сторону кустов рододендрона, возле которых они лежали.

– Нет, – возразил юный удав, – тебе это показалось, потому что ты плохо слышишь. Рассказывай дальше!

– Я косой, а не глухой, – проворчал старый удав, но постепенно успокоился. По-видимому, подумал он, шорох ветра в кустах рододендрона и принял за шевеление живого существа.

И он продолжил свой удивительный рассказ. Так как он часто прерывался – то занимаясь своим кроличьим запором, то подозревая, что его кто-то подслушивает, с чем юный удав никак не соглашался, потому что опасения за чужую тайну всегда кажутся преувеличенными, – мы более коротко перескажем эту историю.

Не опасаясь подслушивания, да и, признайтесь, приятно быть смелым за счет чужой тайны, мы расскажем все, как было.

Итак, Косой, который тогда не был ни старым, ни косым, проглотил кролика у Ослиного Водопоя. И действительно, сначала все шло как по маслу, пока кролик вдруг не встал на задние лапы и снизу не уперся головой ему в спину, давая понять, что он дальше двигаться не намерен.

– Ты что, – говорил ему Косой, – баловаться вздумал? Переваривайся и двигайся дальше!

– А я, – кричит кролик из живота, – назло тебе так и буду стоять!

– Делай им после этого добро, – сказал Косой и, подумав, добавил: – Посмотрим, как ты устоишь...

И стал он лупцевать его своим молодым, еще эластичным и сильным хвостом. Лупцует, лупцует, аж самому больно, а кролику ничего.

– А мне не больно, а мне не больно! – кричит он из живота.

В самом деле, подумал удав, ведь шкура у меня толстая, и вся боль, предназначенная этому негодяю, приходится на меня самого.

– Ладно, – все еще спокойно говорил Косой, – сейчас я тебя сдерну оттуда...

Он посмотрел вокруг, нашел глазами огромную кокосовую пальму, у которой один из корней, подмытый ливнями, горбился над землей. Он осторожно прополз под корень до того самого места, где живот его растопырил этот живучий кролик.

– Ложись! – крикнул он. – Сейчас молотить начну!

– Молоти! – отвечал ему из живота этот бешеный кролик. – Сейчас покрепче упрусь!

Тут удав в самом деле разозлился и давай ерзать изо всех сил под своим корнем: взад-вперед! взад-вперед!

Пальма трясется, кокосовые орехи летят на землю, а кролику хоть бы что!

– Давай! – кричит. – Еще! – кричит. – Слабо! – кричит.

Косой от ярости так растряс пальму, что обезьяна, с любопытством следившая за его странным поведением, неожиданно свалилась ему на голову. Удар был очень чувствительный, потому что обезьяна летела с самой вершины этой пальмы. Он попытался ее укусить, но она, шлепнувшись ему на голову, успела отлететь в сторону. Он метнулся было за нею, но кролик, стоявший у него поперек живота, не дал ему дотянуться до нее.

Уже до этого достаточно оскорбленный поведением кролика, а теперь и вовсе обесцещенный падением обезьяны на голову, удав пришел в неимоверную ярость и так дернулся, что корень оборвался, и он изо всех сил ударился головой о самшитовое дерево, росшее рядом, и потерял сознание.

Примерно через час он пришел в себя и, приподняв голову, огляделся. Хотя в голове у него гудело, он все-таки услышал вокруг родное шипение родных удавов. Узнали, значит, приползли, переговариваются...

– Коль не повезет, – прошипел один, – так и кроликом подавишься...

– А некоторые еще нам завидуют, – сказал удав, известный среди удавов тем, что привык все видеть в мрачном свете.

– Братцы, – простонал Косой, – умялся он там, пропихнулся?

– Примерно на одну обезьянью ладонь пропихнулся, – сказал удав, лежавший поблизости.

– Смотря какая обезьяна, – вдруг сверху с пальмы проговорила мартышка, – если взять орангутана, то получится, что кролик и на четверть ладони не продвинулся...

– Этот кролик и не пропихнулся, и не умялся, – подхватил удав, привыкший все видеть в мрачном свете, – как стоял колом, так и стоит...

– Братцы, – взмолился Косой, – помогите...

– Плохи наши дела, – вдруг раздался голос царя удавов Великого Питона, – дурной пример заразителен... Уже обезьяны начинают нас поучать...

– А что, обезьяны хуже других? – сварливо огрызнулась с пальмы мартышка. – Чуть что, сразу обезьяны, обезьяны...

Услышав голос Великого Питона, бедный Косой пришел в ужас и даже забыл о своих несчастьях.

Дело в том, что, появляясь среди удавов, Великий Питон произносил боевой гимн, который все удавы в знак верности должны были выслушивать, приподняв голову.

Вот слова этого короткого, но по-своему достаточно выразительного гимна:

Потомки дракона, Наследники славы, Питомцы Питона, Младые удавы, Проглоченных кроликов сладкое бремя Несите! Так хочет грядущее Время!

Для Великого Питона все удавы считались молодыми, даже если они по возрасту были старше его. Удав, прослушавший приветствие, не приподняв головы, лишался жизни как изменник.

Вот почему Косой, еще не ставший Косым, услышав голос Великого Питона, пришел в ужас, ведь он был в бессознательном состоянии и не мог поднять головы во время чтения гимна.

На самом деле он напрасно так испугался. Привычка при звуках гимна подымать голову была так сильна, что он и в бессознательном состоянии, услышав гимн, поднял голову вместе со всеми удавами.

По предложению Великого Питона удавы стали обсуждать, как спасти своего неудачливого соплеменника. Один удав предложил ему доползти до вершины самой высокой пальмы и оттуда шлепнуться на землю, чтобы раздавить дерзкого кролика.

– Что вы, братцы, – взмолился пострадавший, – да я сейчас и не доползу... А если доползу, то обязательно шлепнусь не тем местом... Мне же не везет...

– Верно, не доползет, – сказал Великий Питон. – Какие еще будут предложения?

– А может, кролика выпустить, и дело с концом? – неуверенно проговорил один из удавов.

Великий Питон задумался.

– С одной стороны, это выход, – сказал он, – но с другой стороны, пасть удава – это вход, а не выход...

– А мы его не пустим, – осмелел тот, что внес это странное предложение, – как только он выскочит, мы его тут же обработаем.

– Да я лучше ежа проглочу, чем этого бешеного кролика, – сказал удав, привыкший все видеть в мрачном свете.

– Тише, – предупредил Великий Питон, – шипите шепотом, не забывайте, что враг внутри нас... Во всяком случае, внутри одного из нас... За всю свою жизнь, а мне, слава богу, двести лет, был только один случай, чтобы кролик выскочил из пасти удава.

– Расскажи, – стали просить удавы, – мы об этом никогда не слышали.

– Братцы, – застонал Косой, – решайте скорее, а то уже нет сил терпеть.

– Подожди, – ответил Великий Питон, – дай мне поговорить со своим народом... Это случилось в те золотые времена, когда среди удавов была распространена игра, которая называлась «Кролика на кролика до следующего кролика».

– Да что еще это за игра? – закричали удавы. – Расскажи нам о ней!

– Братцы, – снова взмолился Косой, но его уже никто не слушал. Обычно, если Великий Питон начинал вспоминать о том, что было раньше, его трудно было остановить.

А между прочим, в самом деле, в старину среди удавов была распространена эта игра. Один удав, проглотивший кролика, находил другого удава, проглотившего кролика, и предлагал ему:

– Кролика на кролика до следующего кролика?!

– Идет, – отвечал второй удав, если соглашался на игру.

Игра заключалась в том, что два играющих удава ложились рядом и по знаку третьего, который брал на себя роль судьи, кролики начинали бегать наперегонки внутри удавов – от хвоста до головы и обратно. Чей кролик оказывался проворней, тот и выигрывал. Бег кроликов внутри удавов можно было легко проследить, потому что спина удава волнообразно прогибалась по ходу движения кролика. Забавно, что сам бег кроликов вызывался тем, что судья, изменив голос, кричал кроликам:

– Бегите, кролики, удав рядом!

После этого оба кролика начинали метаться внутри удавов, потому что, очнувшись от гипноза, они никогда не помнили, что с ними случилось. Они считали, что попали в какую-то странную нору, из которой надо искать выход.

Удав, чей кролик оказывался проворней, считался победителем. Выигрыш его состоял в том, что проигравший должен был найти ему кролика, загипнотизировать его и, скромно отползая в сторону, дать проглотить выигравшему. Это была адская мука. Некоторые удавы после двух-трех проигрышей не выдерживали и заболевали нервными заболеваниями.

По словам Великого Питона, в этой игре имелась та особенность, что чем больше выигрывал тот или иной удав, тем сильнее растягивался его желудок, чем сильнее растягивался его желудок, тем легче становилось бежать следующему кролику и, следовательно, тем больше шансов выиграть появлялось у этого удава. Среди удавов, оказывается, даже был один чемпион, который так разработал свой желудок, что заставлял внутри него бегать козленка.

– Царь, а, Царь, – вдруг перебил Великого Питона удав-коротышка.

Среди удавов он был известен своей неумолимой любознательностью, которая его уже привела к тому, что он вместо кроликов начал глотать бананы и притом имел наглость уверять, будто они довольно вкусные. К счастью, этому вольнодумству никто из удавов не последовал. Все-таки Коротышка Великому Питону был неприятен, как моральный урод.

– Царь, а, Царь, – спросил Коротышка, – а что если я, например, короткий, а другой, например, длинный?.. Во мне кролик быстрее будет бегать от головы до хвоста?

– У-у-у, Коротышка, – зашипел на него Великий Питон, – вечно ты себя противопоставляешь... Не думай, что в старину удавы были глупее тебя. Если один из удавов оказывался длинней, его подворачивали настолько, насколько он оказывался длинней.

Тут удавы пришли в радостное возбуждение, до того им понравился рассказ Царя и удивительно справедливые условия этой древней игры.

– Да здравствует Царь и его память! – закричали они. – Хотим играть в эту замечательную игру!

– К сожалению, невозможно, – печально сказал Великий Питон,ждавшись тишины.

– Почему?! – уныло стали вопрошать удавы. – Вечно ты нас ограничиваешь! Мы тоже хотим, чтобы кролики бегали внутри нас.

– Потому что случилось великое несчастье, – сказал царь, – после чего пришлось ограничивать свободу передвижения кроликов внутри удавов.

– Вот так всегда, – проворчал удав, привыкший все видеть в мрачном свете, – ограничивают свободу кроликов, а страдают удавы.

– Дело в том, – продолжал Великий Питон, – что во время игры один из удавов то ли чересчур широко разинул пасть, то ли кролик его слишком взмылился, но он неожиданно выскочил у него из пасти и убежал в лес.

– Невероятно! – в один голос воскликнули несколько удавов.

– Каков подлец! – качали головами и шипели другие.

– Невероятно, но факт, – рассказывал Великий Питон, – это были самые черные дни нашей истории. Было неясно, что расскажет сбежавший кролик о нашем внутреннем строении. Как воспримут его слова остальные кролики. Конечно, были приняты меры для его поимки, объявлена награда, но разложение проникло уже и в ряды удавов. Через некоторое время одно

за другим стали поступать сообщения о том, что тот или иной удав поймал этого преступного кролика и обработал его. Но именно потому, что сбежавший кролик был один, а сообщений о его заглоте было много, трудно было поверить, что он пойман. Но потом постепенно мы успокоились. Во всяком случае, со стороны кроликов организованного сопротивления не замечалось. Не исключено, что сбежавший кролик был пойман каким-нибудь скромным периферийным удавом, который проглотил его, не только не требуя награды, но и сам не ведая о том, кого он глотает. Через некоторое время мы казнили удава-ротозея, и жизнь вошла в нормальную колею. Правда, эту чересчур азартную игру пришлось запретить, так же как и противоестественное продление жизни кроликов внутри удавов. Проглотил – изволь обрабатывать – нечего церемониться...

Великий Питон помолчал, вспоминая великолепные подробности казни удава-ротозея. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь спросил об этой казни, но никто не спрашивал, и тогда он шепнул одному из помощников, чтобы тот организовал вопрос из среды рядовых удавов.

– Группа удавов интересуется, – раздался, наконец, вопрос, – как именно казнили удава-ротозея?

– Своеобразный вопрос, – кивнул головой Великий Питон, – это было великолепное зрелище... Сейчас мы отменили эту казнь и, честно скажу, напрасно. Смысл казни – самопоедание удава. Ему не давали есть в течение двух месяцев, а потом всунули его собственный хвост в его собственную пасть. Трудно представить себе что-нибудь более поучительное. С одной стороны, он понимает, что это его собственный хвост, и ему жалко его глотать, с другой стороны, как удав, он не может не глотать то, что попадает ему в пасть. С одной стороны, он, самопожираясь, уничтожается, с другой стороны, он, питаясь самим собой, продлевает свои муки. В конце концов от него остается почти одна голова, которую расклевывают грифы и вороны.

– Какое грозное зрелище! – воскликнули некоторые удавы.

А некоторые молча стали коситься на свои хвосты.

– Не хватало новой заботы, – сказал удав, привыкший все видеть в мрачном свете, – теперь, свиваясь в кольца, я буду думать: а вдруг мой хвост случайно попадет мне в рот?

– Зато будьте спокойны, – сказал Великий Питон, – с тех пор ни один удав не выпускал из себя кролика.

– А все-таки это дикость! – вдруг воскликнул Коротышка, не слишком высовываясь из-за дальних рядов.

Не успели удавы что-нибудь сказать по поводу этого грубого выпада, как услышали нечто и вовсе неслыханное.

– Мерзавец! – вдруг раздался чей-то отчетливый голос.

Все удавы стали подозрительно оглядывать друг друга, стараясь угадать, кто посмел произнести столь оскорбительное слово.

Косой, о котором к тому времени все забыли, с ужасом почувствовал, что это был голос кролика, которого он так неудачно проглотил. Он знал, что несет полную ответственность за поведение проглоченного кролика, и потому пришел в ужас.

На всякий случай, пока другие удавы не догадались, кто кричал, он стал озираться как бы в поисках оскорбителя царя.

– Кто сказал «мерзав-цы»?! – страшным голосом прошипел Великий Питон, оглядывая ряды своих питомцев, смущенно прячущих головы в траву. – Уж не ты ли, Коротышка?!

– Я сказал про дикость, а про мерзав-ца, – подчеркнул ехидно Коротышка, – я не говорил.

Великий Питон нарочно перевел оскорбительное слово во множественное число, чтобы оно, относясь ко многим удавам, к нему лично, Великому Питону, относилось в виде такой дроби, где оскорбление как бы делилось на общее количество присутствующих удавов. Ему казалась такая дробь менее оскорбительной, хотя, в сущности, иная компания содержит в себе вещество мерзости, намного превосходящее то количество, которое необходимо для выполне-

ния нормы мерзавца каждым членом этой компании, то есть на каждого мерзавца этой компании может распределиться полуторная норма мерзости, если они будут настаивать на математическом выражении своей доли мерзости.

Кстати говоря, впоследствии туземцы усвоили этот обычай удавов придавать оскорблению расширительный смысл, чтобы скрыть долю своей подлости, если дело касается подлеца, или долю своей мерзости, как в этом случае, если дело касается мерзавца.

Итак, Коротышка напомнил, что именно говорил он сам и в каком именно числе было употреблено оскорбительное слово неизвестным оскорбителем. Именно потому, чтобы не заострять внимание на этой неприятной тонкости, Великий Питон не стал особенно придирается к нему.

– У-у-у, Коротышка, – только прошипел он в его сторону, – я еще сотру тебя в пыль!

– Мерзавец! – вдруг снова произнес кролик из живота Косого.

– Прошу тебя, помолчи, – взмолился Косой, холодея от ужаса.

– Я здесь не для того, чтобы молчать! – громко сказал кролик.

Окружающие удавы с недоумением оглядывали Косого, никак не понимая, почему этот неудачник посмел говорить с таким предсмертным нахальством. Все они, увлекшись рассказом Великого Питона, забыли, что внутри Косого сидит живой энергичный кролик.

– Так это ты?! – наконец прошипел Великий Питон, обратившись к Косому, который все еще не был Косым, хотя и очень близко подошел к тому, чтобы им стать.

– Это не я, это во мне, – в ужасе признался Косой.

– Раздвоение личности?! – брезгливо предположил Великий Питон. Среди удавов это считалось позорной болезнью.

– О, Царь, – взмолился Косой, – вы, как всегда, увлекшись великим прошлым, забыли, что во мне кролик...

– Ну и что? – перебил его Великий Питон. – И во мне кролик, и к тому же не единственный...

Но тут к нему склонился один из его помощников и нашептал ему на ухо о том, что здесь произошло.

– Ах да, – вспомнил Царь, – так это он назвал всех нас мерзавцами?

– Да, я! – воскликнул дерзкий кролик из оцепеневшего от ужаса удава. – Ты первый мерзавец среди своих мерзавцев и притом тупица!

– Я мерзавец?! – повторил Великий Питон, не находя слов от гнева.

– Да, ты мерзавец! – радостно закричал дерзкий кролик.

– Я тупица?! – не веря своим ушам, повторил Великий Питон.

– Да, ты тупица! – восторженно выкрикнул кролик.

На этот раз голос его был особенно отчетливым, потому что бедный Косой, от ужаса разинув пасть, так и застыл.

Воцарилась нехорошая тишина, во время которой Великий Питон не сводил глаз с Косого.

– Твой желудок стал трибуной кролика, – сказал он грозно, – но ты за это заплатишься, жалкий инвалид.

– О, мой Царь, – взмолился бедный Косой.

– Никаких Царей, – сурово отвечал Великий Питон, – удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен.

– Не тот, не тот, – зашипели удавы.

– А потому, – продолжал Великий Питон, наконец приходя в себя, – выволоките его на Слоновую Тропу, пусть они утрамбуют этого дерзкого кролика, если этот жалкий инвалид не мог сам его утрамбовать.

Удавы из стражи Великого Питона подхватили Косого и поволокли его в сторону Слоновой Тропы. Пока они волокли его, кролик, не переставая, вопил из его живота.

– Кролики! – кричал он. – Один кролик сбежал из живота удава! Сам Царь об этом говорил! Сопровитляйтесь удавам! Даже в животе! Как я!

– Волочите быстрей! – приказал Великий Питон, которому разглашение этой племенной тайны очень не понравилось.

– Мы стараемся, – отвечали стражники, – но он упирается...

– Братцы, – шептал им в это время Косой, – помилосердствуйте, ведь меня слоны затопчут вместе с кроликом.

– Кролики тебе братцы, – отвечали стражники, увлакивая его в глубину джунглей.

– Кролики! – все еще доносился голос дерзкого кролика. – Один кролик сбежал из пасти удава! Царь сам рассказывал!

– Хи-хи-хи, – вдруг раздался ехидный смех Коротышки, – сам говорил, шипите шепотом, а сам племенную тайну разгласил.

– Выродок, – отвечал Великий Питон, чтобы не опускаться до спора с Коротышкой, – бананами питаешься, обезьяна.

– А чем обезьяны хуже вас? – крикнула мартышка, высунувшись из густой кроны грецкого ореха. – Чуть что, сразу обезьяны.

Впрочем, как только Великий Питон поднял голову, она тут же юркнула в зеленую крону и защелкала орехами, то и дело бросая вниз сердитые скорлупки.

Обезьяны находились в сложных отношениях с удавами. Дело в том, что обычай удавов разрешал питаться обезьянами, но, так как они слишком волосатые и не слишком вкусные, питаться обезьянами считалось дурным тоном.

Такую точку зрения неоднократно высказывал сам Великий Питон, и обезьяны, с одной стороны, заинтересованные в том, чтобы их считали невкусными, с другой стороны, болезненно воспринимали всякий намек на свою неполноценность. Поэтому они жили, мелко политикуя и огрызаясь на отдельные оскорбления удавов, в то же время стараясь сохранить господствующую среди удавов точку зрения на свои вкусовые качества.

– Слушайте загадку, – сказал Великий Питон, решив напоследок рассеять впечатление от дерзких выкриков кролика, – она же шутка... Какой кролик может стать удавом?

Удавы стали думать. Некоторые решили, что царь при помощи этой загадки выискивает среди них будущих изменников, и потому на всякий случай решили молчать. Другие высказывали более и менее правдоподобные предположения. Но никто не отгадал правильного ответа.

– Ответ! Ответ! – стали кричать удавы.

– Хорошо, – сказал Великий Питон, – вот вам ответ: кролик, проглоченный удавом, может стать удавом.

– Но почему, о Царь? – вопрошали удавы.

– Потому что кролик, переработанный удавом, превращается в удава. Значит, удавы – это кролики на высшей стадии своего развития. Иначе говоря, мы – это бывшие они, а они – это будущие мы.

– Ха-ха-ха! – смеялись удавы шутке Великого Питона. – Мы – это бывшие они. Здорово получается!

– Согласно с наукой, – скромно добавил Великий Питон, как бы отводя от себя лично слишком восторженные взгляды удавов.

– Великий Питон – это все-таки Великий Питон, – говорили удавы, расплзаясь и с удовольствием вспоминая мудрую шутку своего Царя. Им приятно было чувствовать, что, глотая кроликов, они не просто сами наслаждаются нежным тонкошкурым телом кролика, но, оказываясь, и самого кролика, превращая в себя, возвышают до своего уровня.

Но что же случилось на Слоновой Тропе?

Косой мало что помнит. Он только помнит, что удавы его придерживали, пока слоны не появились совсем близко. Кролик внутри него беспрерывно орал, что надо бороться с удавами, даже находясь в желудке удава.

Смог ли он выскочить из него, когда слоны стали их топтать, он не помнит, потому что потерял сознание еще до того, как первый слон наступил на него.

Через две недели, в Сезон Больших Дождей, к нему вернулось сознание, и он обнаружил себя лежащим недалеко от Слоновой Тропы, куда он, по-видимому, был отброшен каким-нибудь брезгливым хоботом слона.

Тело его в нескольких местах было оттоптано, и он уже стал одноглазым, хотя не мог точно сказать – то ли слоны ему нечаянно выдавили глаз, то ли позже, когда он лежал без сознания, этот глаз у него выклевала какая-то птица. Почему-то этот вопрос сильно беспокоил Косого, хотя в его положении хватало других забот. Косому почему-то хотелось, чтобы глаз его был растоптан ногами слонов, а не выклеван какой-нибудь поганой птицей, принявшей его за труп.

Мысль о том, что какая-то птица выклевала его глаз, словно зерно, почему-то не давала ему покоя, пока ощущение голода не стало его вытеснять. Так прошло несколько дней, и вдруг на него села ворона, привлеченная его неподвижной позой. Ему удалось схватить ворону, когда она села ему на голову, с тем чтобы выключить его единственный глаз. С тех пор он несколько месяцев неподвижно лежал, уставившись в небо своим единственным глазом. За это время ему удалось поймать несколько стервятников и ворон, соблазненных его трупным видом.

Так выжил Косой – к равнодушному удивлению других удавов и к явному неудовольствию Великого Питона. Соплеменники его не трогали, но относились к нему презрительно, потому что, как сказал царь, удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который им нужен.

Бедняга Косой пытался сослаться на то, что проглоченные кролики иногда заговаривали и в других удавах, но это не помогало.

– То совсем другое, – говорили ему, – то гипнотический бред, а у тебя кролик говорил сознательно.

Кстати, мы забыли упомянуть, что с тех пор, как кролик выбежал из пасти удава, был введен закон о немедленной обработке кролика после заглота. Закон этот, в сущности, был рассчитан на джентльменство удавов, потому что проверить, сразу ли приступил удав к обработке проглоченного кролика или, продлевая ему жизнь, продлевает свое удовольствие, было невозможно.

Одним словом, после всего, что случилось, соплеменники старались избегать Косого. Его не трогали, но и почти не говорили с ним. Косой от этого страдал, потому что у каждого живого существа есть неистребимая потребность общаться с подобными себе.

Именно поэтому Косой, оказавшись сегодня рядом с юным удавом, откровенно рассказал ему всю свою горестную историю. Пожалуй, единственное, что он скрыл от юного удава, это то, что он и сейчас иногда, притворяясь мертвым, ловит ворон, потому что охотиться на кроликов с одним глазом нелегко и гипноз нередко дает осечку.

– Кстати, – спросил юный удав, – а как ты охотишься с одним глазом?

– Что делать, – вздохнул Косой, – приходится гипнотизировать профилем, глаз устает.

– А я все слышал! – вдруг раздался голос кролика.

Косой похолодел.

– Как? – сказал он дрожащим голосом. – Ты жив? Я тебя снова проглотил?

– Да нет, – поправил его юный удав, – это необработанный кролик говорит из кустов.

– Уф, – вздохнул Косой, – а мне показалось, что тот.

– А что ты услышал? – спросил юный удав, всматриваясь в кусты рододендрона и пытаясь разглядеть там кролика.

– Я давно веду наблюдения над удавами, – сказал Кролик из кустов, – вы подтвердили, что легенда о дерзком кролике не легенда, а быль. Это лишний раз убеждает в правильности моих некоторых догадок. Теперь я твердо знаю: ваш гипноз – это наш страх. Наш страх – это ваш гипноз.

– Пользуешься тем, что мы сейчас оба сыты? – сказал Косой, прислушиваясь к своему желудку.

– Нет, – отвечал кролик, – это плод долгих раздумий и строгих научных наблюдений.

– Чего ж ты подслушиваешь, если ты такой умный, – спросил Косой, – или ты не слышал, что это нечестно?

– Я об этом тоже много думал, – отвечал кролик, так и не высунувшись из кустов, – подслушивать во всех случаях жизни низко, это я знаю. Даже подозревая кого-то в преступлении, нельзя его подслушивать, потому что подозрения могут не оправдаться, а метод может укорениться. Я хочу сказать, что каждый подслушивающий может говорить: «А я его подозревал в преступлении». Подслушивать можно и нужно в том случае, если ты абсолютно уверен, что имеешь дело с преступником. А вы, удавы, – убийцы, вы или совершили убийство, или готовитесь совершить. Следовательно, как можно больше знать о вас – это благо для живых кроликов.

– Кажись, я чего-то слышал о тебе, – вспомнил юный удав, – это ты Задумавшийся?

– Да, я, – отвечал кролик.

– Ну, подойди сюда, если ты такой, – сказал юный удав, чувствуя, что он, пожалуй, и второго кролика смог бы обработать.

– Нет, – отвечал кролик, – я сейчас не имею права рисковать. Хотя гипноза нет, но укусить вы можете.

– Спасибо и на том, – сказал Косой, стараясь придать всей этой истории легкий юмористический оттенок. Все-таки он много сказал такого, чего не должны были слышать уши кроликов. Все это пахло новыми опасностями. К тому же Задумавшийся, так и не высунувшись из кустов, ушелестел в глубь джунглей.

– Что ж ты не показался? – еще более тоскливо спросил Косой.

– Пусть вам в каждом кролике мерещится Задумавшийся! – крикнул кролик, и голос его растворился в шорохах джунглей.

На теплом мшистом камне стало как-то тесно и неудобно. Оба удава подумали, что хорошо бы избавиться друг от друга как от опасных свидетелей, но оба не решались нападать. Молодой – потому что боялся, что ему не хватит опыта, а старый боялся, что ему не хватит сил и проворства.

– Нехорошо все это получилось, – прошипел юный удав, – пожалуй, мне придется донести Великому Питону о том, что ты здесь наболтал.

– Не надо, – попросил Косой, – ты ведь знаешь, как он меня не любит...

– А если обнаружится? – возразил юный удав.

– Будем надеяться, что никто не узнает, – ответил Косой.

– Тебе хорошо, – сказал юный удав, – ты свое отжил, а у меня все впереди... Нет, я, пожалуй, донесу...

– Но ведь тогда и ты пострадаешь?

– Это почему же?

– Если я начал проговариваться, ты ведь должен был дать отпор, – напомнил Косой о старом обычае, принятом среди удавов.

В самом деле, подумал юный удав, есть такой обычай. Он был в растерянности. Он никак не мог понять, что ему выгодней: донести или не донести.

– А если обнаружится? – сказал он задумчиво. – Ну ладно, промолчу... А что ты мне дашь за это?

– Что я могу дать, – вздохнул Косой, – я старый инвалид... Если тебе придется туго с кроликами, притворись мертвым, и рано или поздно тебе на голову сядет ворона...

– Да на черта мне твоя ворона! – возмутился юный удав. – Я, слава богу, имею регулярного кролика.

– Не говори, – отвечал Косой, – в жизни всякое бывает...

– У нее, наверное, и мясо жесткое? – неожиданно спросил юный удав.

– Мясо жестковатое, – согласился Косой, – но в трудное время это все-таки лучше, чем ничего.

– А если обнаружат? – снова усомнился юный удав и, сползая с камня, на котором они лежали, добавил: – Ладно, не донесу... Лучше бы я с тобой не связывался... Тысячу раз прав был Великий Питон, когда сказал, что удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен.

Уползая от Косого, юный удав в самом деле еще не знал, что выгоднее: донести или не донести. По молодости он не понимал, что тот, кто раздумывает над вопросом – донести или не донести, в конце концов обязательно донесет, потому что всякая мысль стремится к завершению заложенных в ней возможностей.

Вот жизнь, с грустью думал Косой, лучше бы меня тогда растоптали слоны, чем жить в презрении и страхе перед собратьями.

Так думал Косой и все-таки в глубине души (которая находилась в глубине желудка) чувствовал, что из жизни уходить ему не хочется. Ведь так мягко лежать на теплом мшистом камне, так приятно чувствовать солнце на своей старой ревматической шкуре, да и кролиководство – что скрывать! – все еще доставляло ему немало удовольствия.

В тот же день, когда солнце повисло над джунглями на высоте хорошего баобаба или плохой лиственницы, у входа в королевский дворец на Королевской Лужайке было созвано чрезвычайное собрание кроликов.

Сам Король сидел на возвышенном месте рядом со своей Королевой. Над ними развевалось знамя кроликов с изображением Цветной Капусты.

Полотнище знамени представляло из себя большой лист банана, на котором кочан Цветной Капусты был составлен из разноцветных лепестков тропических цветов, приклеенных к знамени при помощи сосновой смолы.

В сущности говоря, ни один кролик никогда не видел Цветной Капусты. Правда, в кроличьей среде всегда жили слухи (хотя их и приходилось иногда взбадривать) о том, что местные туземцы вместе с засекреченными кроликами, работающие на тайной плантации по выведению Цветной Капусты, добились решительных успехов. Как только опыты, близкие к завершению, дадут возможность сажать Цветную Капусту на огородах, жизнь кроликов превратится в сплошной праздник плодородия и чревоугодия.

Время от времени сочетание цветов в изображении Цветной Капусты на знамени едва заметно менялось, и кролики видели в этом таинственную, но безостановочную работу истории на благо кроликов. Увидев на знамени слегка изменившийся узор цветов, они многозначительно кивали друг другу, делая для себя далеко идущие оптимистические выводы. Говорить об этом вслух считалось неприличным, нескромным, считалось, что эти внешние знаки внутренней работы истории проявились случайно по какому-то доброму недосмотру королевской администрации.

В ожидании этого счастливого времени кролики жили своей обычной жизнью, паслись в окружающих джунглях и пампах, поворачивали в огородах туземцев горох, фасоль и обыкновенную капусту, высокие вкусовые качества которой оплодотворяли мечту о Цветной Капусте. Эти же продукты они поставляли и ко двору Короля.

– Ну, как сегодня капуста? – бывало, спрашивал Король, когда рядовые кролики, выполняющая огородный налог, прикатывали кочаны и складывали их в королевской кладовой.

– Хороша, – неизменно отвечали кролики, облизываясь.

– Так вот, – говорил им на это Король, – когда появится Цветная Капуста, вы на эту зеленую даже смотреть не захотите.

– Господи, – вздыхали кролики, услышав такое, – неужели доживем до этого?

– Будьте спокойны, – кивал Король, – следим за опытами и способствуем...

Великая мечта о Цветной Капусте помогала Королю держать племя кроликов в достаточно гибкой покорности.

Если в жизни кроликов возникали стремления, неугодные Королю, и если он не мог эти стремления остановить обычным способом, он, Король, прибегал к последнему излюбленному средству, и, конечно, этим средством была Цветная Капуста.

– Да, да, – говорил он в таких случаях кроликам, проявляющим неугодные стремления, – ваши стремления правильны, но несвоевременны, потому что именно сейчас, когда опыты по выведению Цветной Капусты так близки к завершению...

Если проявляющий стремления продолжал упорствовать, он неожиданно исчезал, и тогда кролики приходили к выводу, что его засекретили и отправили на тайную плантацию. Это было естественно, потому что те или иные стремления проявляли лучшие головы, и эти же лучшие головы, конечно, прежде всего нужны были для работы над выведением Цветной Капусты.

Если семья исчезнувшего кролика начинала наводить справки о своем родственнике, то ей намекали, что данный родственник теперь «далеко в том краю, где Цветная Капуста цветет».

Если семья исчезнувшего кролика продолжала упорствовать, то она тоже исчезала, и тогда кролики говорили:

– Видно, он там большой ученый... Семью разрешили вывезти...

– Везет же некоторым, – говорили крольчихи, вздыхая.

Других подозрений в головах у рядовых кроликов не возникало, потому что по вегетарианским законам королевства кроликов наказывать наказывали – путем подвешивания за уши, – но убивать не убивали.

Итак, в этот день, который уже клонился к закату, на Королевской Лужайке Король и Королева сидели на возвышенном месте, а над ними слегка колыхалось знамя с изображением Цветной Капусты.

Чуть пониже располагались придворные кролики, или, как их называли в кроличьем простонародье, Допущенные к Столу. А еще ниже те, которые стремились быть Допущенными к Столу, а дальше уже стояли или сидели на лужайке рядовые кролики.

Легко догадаться, что чрезвычайное собрание кроликов было вызвано чрезвычайным сообщением Задумавшегося.

– Наш страх – их гипноз! Их гипноз – наш страх! – повторяли рядовые кролики, смакуя эту соблазнительную мысль.

– Какая смелая постановка вопроса! – восклицали одни.

– И мысли следуют одна за другой, – восторгались другие, – ну, прямо как фасолины в стручке.

– Ой, кролики, что буде-ет! – говорили третьи, которым от великого открытия Задумавшегося делалось до того весело, что становилось страшно.

И только жена Задумавшегося, стоя в толпе ликующих кроликов, то и дело повторяла:

– А почему мой должен был разоблачать удавов? А где Допущенные к Столу мудрецы и ученые? А что мы за это имеем? Ведь удавы будут мстить мне и моим детям за то, что он здесь наболтал!

– Ты должна им гордиться, дура, – говорили ей окружающие кролики, – он великий кролик!

– Оставьте, – отвечала им крольчиха. – Уж я-то знаю, какой он великий! Дожил до седины, а до сих пор не может листик гороха отличить от листика фасоли!

А между тем, Королю кроликов сообщение Задумавшегося не понравилось. Он почувствовал, что эта новость ничего хорошего ему не сулит. Но, будучи опытным знатоком настроения толпы, он, видя всеобщее ликование, не мешал ему проявляться со всей полнотой. Он понимал, что всякое ликование толпы имеет свою высшую точку, после которой оно обязательно должно пойти на убыль, и тогда уже можно будет высказывать свои сомнения.

Дело в том, что когда кто-нибудь, а в особенности толпа, начинает ликовать, она еще не знает, что всякое ликование рано или поздно должно пойти на убыль. И вот, когда ликование начинает идти на убыль, ликующий, чувствуя, что его ликование иссякает, склонен обвинить в этом того, кто, вызвав ликование, оказывается, не придал ему неиссякаемого характера.

Но если кто-то своим критическим отношением к предмету ликования перебил всеобщее ликование, тогда гнев ликующих с особенной силой устремляется на него. Ведь ликующие думали, что их ликование носило неиссякаемый характер, а этот злобный завистник нарочно им все испортил.

Король кроликов все это знал хорошо и поэтому долго молчал. И вот, когда ликование очень сильно иссякло, хотя все еще отдельные его вспышки то здесь, то там озаряли радость толпу, кролики стали замечать, что сам Король почему-то молчит. И не только молчит. Лицо его выражает грустную терпимость перед печальным зрелищем всеобщего заблуждения.

И тут все начали понимать, что Король сомневается в правильности наблюдений Задумавшегося. Допущенные, заметив сомнение Короля, довели его при помощи отдельных выкриков до степени откровенного возмущения. Возмущение Допущенных в свою очередь было подхвачено Стремящимися Быть Допущенными и доведено до выражения гневного протеста против не проверенных Королем научных слухов.

Да, Король был прав, почувствовав великую опасность, которая заключается в словах Задумавшегося. Вся деятельность Короля была связана с тем, что он лично, вместе со своими придворными помощниками, определял, какое количество страха и осторожности должны испытывать кролики перед удавами в зависимости от времени года, состояния атмосферы в джунглях и многих других причин.

И вдруг вся эта разработанная годами хитроумная система управления кроликами может рухнуть, потому что кролики, видите ли, не должны бояться гипноза.

Король знал, что только при помощи надежды (Цветная Капуста) и страха (удава) можно разумно управлять жизнью кроликов. Но на одной Цветной Капусте долго не продержишься. Это Король понимал хорошо, и потому он собрал всю свою государственную мудрость и выступил перед кроликами.

– Кролики, – начал он просто, – я пожилой Король. Я на престоле, слава богу, уже тридцать лет и ни разу за это время не попал в пасть удава, а это о чем-то говорит...

– О том, что тебе все приносят во дворец! – выкрикнул из толпы какой-то дерзкий кролик.

Правда, уже было слишком темно, чтобы разглядеть, кто говорит. Допущенные к Столу и особенно Стремящиеся со страшной силой зашикали на дерзнувшего кричать из толпы.

Посмотрев на придворных, Король строгим голосом приказал осветить народ достаточным количеством светильников. До этого всего несколько пузырей, выдутых из прозрачной смолы и наполненных светляками, озаряли вход в Королевский Дворец и возвышение, на котором сидели Король и Королева.

– О, Король, – напомнили придворные шепотом, ссылая жар светляков из кокосовых шкатулок, в которых они хранились, в светильники, – вы ведь сами нас учите режиму экономии.

– Только не за счет интересов режима, – отвечал Король вполголоса, молча оглядывая толпу, пока придворные укрепляли светильники в разных концах Королевской Лужайки. – Кролики, – кротко обратился Король к своим подданным, – прежде чем раскрыть ошибку Задумавшегося, хочу задать вам несколько вопросов.

– Давай! – закричали кролики.

– Кролики, – и голос Короля задрожал, – любите ли вы фасоль?

– Еще как! – хором ответили кролики.

– А зеленый горошек, свеженький, с куста?

– Не говори, Король, – застонали кролики, – не буди сладких воспоминаний!

– А свежей капустой, – безжалостно гремел Король, – хрупчатой, рубчатой, говорю, любите похрумкать?!

– У-у-у! – завывали кролики и стали со свистом втягивать воздух в рот. – Не растравляй, Король, не сыпь на раны сладкую соль!

– Если это так, – продолжал Король, глядя на кроликов, застывших в сентиментальных позах обглаживания свежих стручков или хрумканья капустными листьями, – перехожу к наиглавнейшей мысли. Кто из вас выращивает горох, капусту, фасоль?

На некоторое время воцарилось удивленное молчание.

– Но, Король, – стали кричать кролики, – этим занимаются туземцы!

– Значит, им принадлежат эти самые совершенные на сегодняшний день (тончайший нарек на завтрашний день, связанный с Цветной Капустой) продукты питания?

– Выходит, – отвечали кролики.

– А каким образом, – продолжал Король, – вы добываете эти продукты?

– Воруем, – сокрушенно отвечали кролики, – разве вы не знали?

– Ну, это сказано слишком резко, – поправил Король, – правильной сказать – отбираете излишки... Ведь вы туземцам кое-что оставляете?

– Приходится, – отвечали кролики.

– Теперь перехожу к наиглавнейшей мысли, – объявил Король.

– Ты уже переходил к наиглавнейшей мысли! – крикнул один из кроликов в толпе.

– То была первая наиглавнейшая мысль, а теперь вторая, – не растерялся Король. – То, что удавы глотают кроликов, – это ужасная несправедливость, не правда ли?!

– В том-то и дело, – закричали кролики, – об этом-то и толкует Задумавшийся!

– Да, – продолжал Король, – это ужаснейшая несправедливость по отношению к кроликам, и мы с нею боремся теми средствами, которые доступны нашему разуму. Правда, за эту ужасную несправедливость мы пользуемся маленькой, но очаровательной несправедливостью, присваивая нежнейшие продукты питания, выращенные туземцами. Теперь допустим на минуту, что Задумавшийся прав, хотя это еще никак не доказано. Но представим. Гипноза, оказывается, нет, скачите, кролики, куда хотите! Браво, браво, Задумавшийся! Но что же дальше? А дальше Задумавшийся нам говорит, мол, если отпала ужаснейшая несправедливость по отношению к кроликам, значит, и кролики должны прекратить приятную, разумеется, для нас, несправедливость по отношению к огородам туземцев.

– Не скажет! Не скажет! – закричали кролики хором.

– А где уверенность? – спросил Король и обратился к Задумавшемуся, который стоял недалеко от Короля и спокойно слушал его.

После своего сообщения о гипнозе он так и остался на возвышении, потому что Король велел ему остаться, чтобы, с одной стороны, никто не подумал, будто Король недоволен, а с другой стороны, чтобы долгое созерцание Задумавшегося сделало его облик более привычным и потому менее чудодейственным.

Задумавшийся молчал, хотя по его виду никак нельзя было сказать, что он смущен вопросом Короля.

– Так что ты нам скажешь? – снова обратился к нему Король, стараясь, чтобы он сейчас же разоблачил себя перед кроликами.

– Я потом отвечу сразу на все вопросы, – спокойно сказал Задумавшийся, – пусть Король продолжает.

– Хорошо, – усмехнулся Король, хотя и разозлился про себя, именно оттого разозлился, что Задумавшийся не в результате хитрого дипломатического хода уклонился от его удара, а просто в результате глупого желания не терять время на отдельные вопросы.

– Пойдем дальше, – продолжал Король. – Конечно, это ужасная несправедливость, что удавы пожирают кроликов, и мы делаем все, чтобы уменьшить количество жертв. Но зачем подчеркивать только темные стороны? Жизнь есть жизнь! И она иногда подсовывает нам изумительные подарки. Например, вы сталкиваетесь с удавом, вы в ужасе! Но что же? Оказывается, это Коротышка, который только что налопался бананов, он на вас и смотреть не хочет. Снова сталкиваемся с удавом! Снова ужас. Но что же? Оказывается, это Косой – и вы в полной безопасности, потому что очутились в мертвом пространстве его слепого профиля. Кролики, братья и сестры, нельзя пренебрегать такими дарами жизни! Помните, в природе все связано! А что, если тончайшее удовольствие, которое мы получаем от святой троицы (горох, фасоль, капуста), связано с чувством страха, который мы испытываем перед удавами? А вдруг без этого страха ароматнейшие продукты природы покажутся безвкусными и жесткими, как пампасская трава?

– Это ужасно, – воскликнули кролики, – тогда и жить не стоит!

– А если это так, – продолжал Король, сам загораясь от собственного красноречия, – перестанем мечтать о будущей Цветной Капусте, перестанем следить за опытами и способствовать?!

– Это ужасно, ужасно, ужасно, – стонали кролики, от природы очень впечатлительные, чем, кстати, и пользовались удавы, как, впрочем, и Король, хотя мы никак не хотим проводить какие-то параллели между ними.

– И вот что, кролики, – продолжал Король, оглядывая толпу с выражением проникающей умудренности, – будем откровенны, ведь мы здесь все свои... Признайтесь, когда вы вечером возвращаетесь в свою нору и узнаете от крольчихи, что такого-то кролика проглотил удав, разве вы вместе с печалью по погибшему брату с особенной силой не ощущаете уют безопасности собственной норы?! А сладость облизывать нежные тельца своих очаровательных крольчат?! А прижиматься, прижиматься (тут все взрослые кролики, и я могу говорить прямо), прижиматься, говорю, к теплой, ласковой крольчихе?!

– Да, да, – соглашались кролики, потупившись, – стыдно признаться, но все это так...

– Нечего стыдиться, кролики! – воскликнул Король. – Вы же это испытываете вместе с грустью по погибшему брату, а не отдельно?!

– В том-то и дело, – отвечали кролики, – как-то все это перемешивается...

– Тем более! – вдруг во весь голос закричал кролик по прозвищу Находчивый.

Он сидел среди Стремящихся Быть Допущенными к Столу. Сейчас его дерзкий выкрик был всеми замечен, и наступила довольно-таки неловкая тишина. В сущности, он почти перебил Короля. Король нахмурился.

– Тем более! – снова закричал Находчивый, ничуть не смущаясь всеобщим вниманием.

– Что «тем более»? – наконец строго спросил у него Король.

– Тем более, как быть с предками? – воскликнул Находчивый. – Ведь если Задумавшийся прав, получается, что все наши предки, героически погибшие в пасти удавов, были дураками и трусами, выходит, что они погибли по глупости?!

– Уместное замечание, – сказал Король, кивнув головой и обернувшись к Задумавшемуся. – Интересно, что ты ответишь на это?

– Я сразу отвечу на все вопросы, – спокойно отвечал Задумавшийся. – Король может продолжать...

– Ишь ты, какой самоуверенный, – не удержалась Королева и фыркнула в сторону Задумавшегося.

– Пока я кончил, – сказал Король. – Одно могу добавить: жизнь есть жизнь. Раз бог создал кролика – он имел в виду кролика!

Конец королевской речи потонул в дружных аплодисментах во славу прекрасных продуктов. В шуме этих аплодисментов время от времени раздавались выкрики в честь Короля из среды Допущенных к Столу и восторженные высвисты в его же честь из среды Стремящихся.

Как всегда, скандировалась слава великой троице с некоторыми частными добавлениями, среди которых чаще всего слышалось:

– Скромной морковке тоже слава!

Интересно отметить, что каждый кролик, аплодируя, был уверен, что он лично аплодирует идее союза прекрасных продуктов питания с кроликами. Но при этом он думал, что другие аплодируют не только этому союзу, но и всей речи Короля. И поскольку все думали так и все считали, что признаться в эгоистической узости своих аплодисментов по меньшей мере уродство, они аплодировали изо всех сил, чтобы скрыть эгоистическую узость собственных аплодисментов и слиться с общим восторгом, с которым они в конце концов сливались, и, уже подхваченные этим восторженным потоком, сами тащили его дальше. Так маленькие ракеты личных аплодисментов, слившись, давали могучую силу двигателю общественного мнения кроликов.

– Ну, как речуга? – спросил Король у Королевы, усаживаясь рядом с ней и кивая на восторженный шум, поднятый кроликами.

– Ты был бесподобен, милый, – сказала Королева и нежно утерла листиком капусты пот с лица Короля.

– Находчивый делает успехи, – сказал Король и кивнул в его сторону.

Королева улыбнулась Находчивому и поманила его к себе. Находчивый быстро подскочил и замер перед ней. Королева, улыбаясь, подарила ему листик капусты, которым она только что утирала лицо Короля.

– Можешь съесть, – сказала она ему. Это был знак великой милости, в сущности, знак Допущенности к Столу.

– Никогда! – с жаром воскликнул Находчивый, принимая подарок. – Я засушу его в память о вашей великой милости.

– Как хочешь, – сказала Королева и с немалым женским любопытством оглядела Находчивого. Ей понравилась его приятная внешность и горячие быстрые глаза. В нем было что-то такое, отчего ей захотелось родить маленького быстроглазого крольчонка.

Когда все затихло, Задумавшийся, который все это время продолжал стоять перед толпой собратьев, наконец заговорил.

– Начну с конца, – сказал он. – Мне, кролику, незачем заботиться о природе удава. Пусть он сам заботится о своей природе...

– Вот он и заботится, – ехидно вставил Находчивый и, посмотрев на Королеву, поцеловал капустный листик. Королева еще раз улыбнулась ему нежной улыбкой.

– Этот Находчивый – прелесть, – сказала она.

– Считай, что он у тебя за столом, – сказал Король, сосредоточиваясь на словах оратора и поэтому забыв, что эта милость Находчивому уже оказана.

«Как много можно сделать незаметно от мужчины, – подумала Королева, – когда мужчину раздирают общественные страсти».

– Хорошо, пусть будет так, – продолжал Задумавшийся, – если удав имеет право заботиться о своей природе, то и кролик имеет такое же право. А суть природы кролика состоит в том, что он не хочет быть проглоченным удавом. Можем мы, кролики, обойтись без удавов?

– Еще как! – воскликнули кролики. – С удовольствием!

– Тогда скажи, – вскочил Король, – почему бог создал удава?

– Не знаю, – ответил Задумавшийся, – может, у него плохое настроение было. А может, он создал удава, чтобы мы понимали, что такое мерзость, так же как он создал Капусту, чтобы мы знали, что такое блаженство.

– Правильно! – закричали кролики. – Удав – мерзость! Капуста – блаженство!

– Горох и фасоль – тоже блаженство! – напомнил один из кроликов с такой тревогой в голосе, словно, не напомни он об этом вовремя, столь прекрасные деликатесы выйдут из употребления кроликов.

– Продолжаю, – сказал Задумавшийся, – итак, если бог создал удава таким, какой он есть, то и меня он создал таким, какой я есть. И если я задумался, значит, моей природе кролика не чуждо сомнение. Развивая свою природу сомнения, которая, оказывается, все-таки существовала в моей природе кролика, я стал приглядываться, прислушиваться, думать. Жизнь, как любит говорить наш Король, великий учитель. Именно она натолкнула меня на все мои сегодняшние выводы. Однажды я нос к носу столкнулся с удавом. Я почувствовал, что гипноз сковал мои мышцы. От ужаса я потерял сознание. Через несколько мгновений я пришел в себя и с удивлением обнаружил, что я не проглочен, а хвост этого же удава, прошуршав мимо меня, проскользнул дальше. Я оглянулся и узнал Косого, который, не заметив меня, скользил дальше, пройдя мимо меня слепой стороной своего профиля. И тут великая мысль, хотя еще и не так четко оформленная, промелькнула в моей голове. Я понял, что их гипноз – это наш страх. А наш страх – это их гипноз.

– О, святая наивность! – воскликнул Король, вскакивая с места и обращаясь к толпе кроликов. – Разве я вам не говорил о счастливой встрече с Косым или Коротышкой?

– Да, да, говорил, – ответили кролики, чувствуя, что в словах Задумавшегося есть какая-то соблазнительная, но чересчур тревожащая истина, а в словах Короля какая-то скучная, но зато успокаивающая правда.

– В том-то и дело, кролики, – сказал, волнуясь, Задумавшийся, – что я ощутил все признаки гипноза, а удав меня даже не заметил! Значит, я сам своим страхом внушил себе гипноз!

– Гениально! – воскликнул какой-то кролик из толпы и, ударив себя лапой по лбу, замертво упал. Бедная его голова не выдержала этой мысли.

В толпе возник некоторый переполох, впрочем, не опасный для продолжения сходки. Убедительность примера, который привел Задумавшийся, повергла кроликов, несмотря на жертву, в большое ликование.

– Первые плоды нового учения! – крикнул Находчивый, когда выносили кролика, умершего от силы собственного прозрения. Но на его слова никто не обратил внимания.

– Здорово! Здорово! Здорово! – скандировали теперь кролики. – Да здравствует наш освободитель!

– Это еще надо доказать! – закричал Король, вскакивая. – Почему он уверен, что сам себя загипнотизировал? Только потому, что Косой прошел мимо него своим слепым профилем. Пусть мой Ученый выступит и объяснит Задумавшемуся, что произошло, с научной точки зрения.

Тут кролики постепенно замолкли, и из толпы Допущенных к Столу выступил Главный Ученый и, дождавшись тишины, произнес:

– Конечно, сообщение Задумавшегося представляет немалый научный интерес...

Кролики на его слова ответили восторженным гулом.

– ...И хотя наша сходка затянулась допоздна, – продолжал Главный Ученый, – еще рано делать какие-либо выводы. Но что же могло произойти во время предполагаемой встречи Задумавшегося с Косым, или, выражаясь нашим научным языком, слепым на один глаз удавом? По-видимому, наш дорогой коллега Задумавшийся, к нашему общему счастью, прошел перед отключенной от зрительных впечатлений частью профиля удава. Только поэтому он остался жив, ибо смертоносные гипнотические лучи действующего глаза оказались в стороне от нашего возлюбленного коллеги, что послужило ему поводом к столь легкомысленным выводам относительно гипноза...

– Держат там всяких калек, – пробормотал Король, слушая Ученого и кивая в знак согласия головой.

– Нет, дорогие мои кролики, – продолжал Ученый, – гипноз – пока еще страшное оружие наших врагов. Только следуя Таблице Размножения, разработанной нашими учеными при личном участии Короля, мы можем победить удавов. Помните, изучайте Таблицу Размножения – и будущее кроликов будет достойно Цветной Капусты!

Речь Ученого тоже показалась кроликам убедительной, но все-таки большинство кроликов было настроено в пользу Задумавшегося.

Кстати, суть Таблицы Размножения заключалась в том, что кролики, размножаясь с опережением удавов, уменьшают риск каждого отдельного кролика настолько, насколько кроликов будет больше, чем удавов. Из этой таблицы следовало, что в будущем шанс встретиться с удавом у каждого кролика станет, уменьшаясь, стремиться к нулю и в конце концов достигнет его и даже превзойдет! Поэтому кролики очень любили размножаться.

Но сейчас настроение кроликов было в пользу Задумавшегося. Король, видя это, решил перенести сходку на какой-нибудь другой, более подходящий день. С этой целью он незаметно для толпы приказал выступить придворному осветителю.

– Кролики, – сказал тот, – время позднее. Светильники гаснут, пора кормить светляков.

– Ничего, – закричали в ответ кролики, – в лесу полно гнилушек! Надо будет – наберем!

Пришлось продолжить сходку и дать слово Задумавшемуся.

– Кролики, – сказал Задумавшийся, – наш Ученый, как всегда, говорит глупости! Я утверждаю, что гипноза нет вообще. Вспомните, сколько лягушек в Лягушачьем Броде. Через этот брод каждый день переплывает тот или иной удав. Если бы удав обладал гипнозом, то независимо от его воли десятки лягушек, потерявших сознание, всплывали бы на его пути. А если бы всплывали лягушки, то водоплавающие птицы летели бы вслед за плывущим удавом. Но, как вы знаете, никакие птицы не следуют за плывущим удавом.

– Точно! Точно! – закричали кролики. – Там сотни птиц, но ни одна не летит за удавом.

– Задумавшийся прав! – кричали они. – Наш страх – их гипноз! Их гипноз – наш страх!

Пока они шумно изъясляли свои восторги, Король подозвал из толпы Допущенных кролика, занимавшего должность Старого Мудрого Кролика.

Небезынтересна история возвышения этого кролика. Возле Королевского Дворца растет морковный дуб, желуди которого имеют форму морковки. Хотя плоды морковного дуба и несъедобны – их кролики обычно используют для украшения праздничных шествий, – морковный дуб почитается кроликами, как священное дерево.

Время от времени с морковного дуба падают морковные желуди, кстати, весьма увесистые. Были случаи тяжелых увечий и даже смертей кроликов, оказавшихся в момент падения желудя под сенью дерева. Однажды именно этот кролик очутился под морковным дубом, когда с него слетел желудь, попавший ему в голову.

Он получил сотрясение мозга. Это был первый случай такого рода заболевания в кроличьем племени.

– Сотрясение мозга? – удивился Король неведомой болезни.

– Да, сотрясение, – подтвердили врачи.

– Значит, было что сотрясать? – догадался Король.

– Значит, было, – подтвердили врачи.

– Вылечится – назначим его на должность Старого Мудрого Кролика, – решил Король, и, когда этот рядовой кролик вылечился, он сразу оказался в числе Допущенных к Столу.

– Выступишь, – сказал ему сейчас Король, мрачно оглядывая толпы ликующих кроликов, среди которых находились и такие, которые вздымали лапки, сжатые в кулачок, как бы грозя удавам.

– Кажется, это конец, – сказал Старый Мудрый Кролик.

– Надо попытаться, – сказал Король, одновременно давая распоряжение начальнику охраны Королевского Дворца проверить запасные выходы из дворца на случай бунта.

– Я старый, мудрый кролик, – начал Старый Мудрый Кролик, и он был отчасти прав, потому что с тех пор, как его назначили на эту должность, он успел постареть. – Клянусь морковным деревом, сделавшим меня мудрецом, в словах Задумавшегося...

Но тут ликование кроликов приняло угрожающие размеры. Можно было ожидать, что они немедленно переизберут Короля и посадят на его место Задумавшегося.

– ...В словах Задумавшегося, – повторил он, пропустив волну ликования, – очень много правды...

– Ура! – дружно закричали кролики, перекрывая взвизги Допущенных, которых в случае переворота ничего хорошего не ожидало.

А между тем Стремящиеся притихли и старались выглядеть так, как если бы они вообще никаких стремлений не имели. Некоторые из них даже покидали свои места, словно им очень захотелось пройтись по своим физическим надобностям. На обратном пути они сильно задерживались, узнавая в толпе кроликов своих старых знакомых и охотно заговаривая с ними.

– ...В том, что сказал Король, – продолжал Старый Мудрый Кролик, – не очень...

Толпа кроликов притихла, Старый Мудрый Кролик посмотрел на Короля и с ужасом подумал: а вдруг не переизберут? Когда толпа ликовала, ему казалось, что она сильнее Короля. Когда она замолкла, Король снова казался сильнее. И поэтому он неожиданно даже для себя окончил:

– Очень много правды... Но скажи, Задумавшийся, – продолжал он, – если ты прав и кончится ужасная несправедливость по отношению к нам, разрешишь ли ты нам пользоваться нашей божественной троицей: фасолью, горохом и капустой?

– Да, да, – закричали кролики, – разреши сомнения!

Задумавшийся молча смотрел на свой народ и ничего не говорил. Между тем рядовые кролики, взявшись за руки, стали притопывать, повторяя:

– Разрешив воровать, разреши сомнения! Разрешив воровать, разреши сомнения!

Задумавшийся продолжал молчать. Король, сидевший мрачно опустив голову, вдруг почувствовал, что щекочущий лучик надежды коснулся его ноздрей.

– Кролики, – наконец сказал Задумавшийся, – я вам предлагаю разрешить главную нашу задачу: перестать бояться удавов. А что будет дальше, я могу только предполагать...

– Видите ли, он может только предполагать! – воскликнула Королева и, гневно разорвав листик капусты, отшвырнула его от себя.

Стремящиеся одобрительно загудели, стараясь запомнить, куда упали обрывки капустного листа.

– А еще корчит учителя жизни! – воскликнул кролик по прозвищу Находчивый. Он это воскликнул, дождавшись тишины, чтобы выделить свой голос.

Никого так не раздражал Задумавшийся, как Находчивого, потому что в юности они дружили и довольно часто влюблялись в одну и ту же крольчиху. Находчивый был уверен, что он мог бы сделать не меньше блестящих открытий, чем Задумавшийся, если бы не стремился быть

Допущенным. Поглощенный философией собственного существования, он никак не находил времени заняться существованием кроликов.

– Ему хорошо, – говаривал он своим знакомым, когда речь заходила о Задумавшемся, – он-то не стремится быть Допущенным.

– А кто тебе мешает не стремиться? – спрашивали знакомые в таких случаях.

– Вы лучше спросите, кто мне помогает, – отвечал им на это Находчивый, раздумывая, как бы поприглядней попасться на глаза Королю.

Между тем Задумавшийся продолжал:

– Кролики, – говорил он, – если мы будем стремиться с самого начала увидеть самый конец, мы никогда не сдвинемся с места. Важно сделать первый шаг, и важно быть уверенным, что он правильный.

– Ну хоть что-нибудь, – кричали кролики, – скажи, что ты думаешь насчет фасоли, гороха и капусты!..

– Я думаю, – сказал Задумавшийся, – когда отпадет ужасная несправедливость удавов по отношению к нам, мы должны подумать и о нашей несправедливости по отношению к огородам туземцев.

– У-у-у! – завывали недовольные кролики.

А Король покачал головой: дескать, больше слушайте его, он вам устроит счастливую жизнь.

– Дело не в том, чтобы отменять эти прекрасные продукты, – сказал Задумавшийся, – а в том, чтобы научиться самим выращивать их.

– У-у-у, – завывали кролики хором, – как неинтересно... А как мы будем обрабатывать землю?

– Не знаю, – сказал Задумавшийся, – может, мы договоримся с кротами, может, еще что...

– У-у-у! – завывали кролики еще скучней, – а если кроты не согласятся? Значит, прощай, фасоль, горох, капуста?!

И тут от имени рядовых кроликов выступил простой уважаемый всеми кролик.

– Послушай, Задумавшийся, – сказал он, – мы все тебя любим, ты наш парень, думаешь о нас. И это хорошо. Но чего-то ты не додумал. Вот я, например, каждый день хожу в лес, в пампасы, к туземцам на огороды заглядываю... Каждый день я могу встретиться с удавом, но могу и не встретиться. Позавчера, например, не встретился, вчера тоже и сегодня, слава богу, как видишь, жив-здоров. Что же получается? На огородах туземцев я могу бывать каждый день, а удав меня может проглотить далеко-о не каждый день. Выходит – пока я в выигрыше. Выходит, ты чего-то не додумал, Задумавшийся. Вот пойдешь на свой зеленый холмик и придумай такое, чтобы и удавы нас не трогали и чтобы, как говорится, бог троицей не обидел. Тогда мы все, как один, пойдем за тобой.

– Правильно! Правильно! – стали кричать рядовые кролики, потому что в трудную минуту решение не принимать никакого решения было для кроликов самым желанным решением.

– Я лично первый пойду за тобой, – крикнул Король кроликов, – как только твои выводы подтвердятся!

– Да здравствует наш благородный Король! – стали кричать кролики, довольные своим решением не принимать никакого решения.

– Более того, – продолжал Король, – чтобы Задумавшийся мог думать, не отвлекаясь, ежедневно с нашего стола будет выдаваться его семье две полноценные морковины!

– Да здравствует Король и его щедрость! – закричали кролики.

– Размножаться с опережением – вот наше оружие! – крикнул Король и в знак того, что собрание закончено, взяв за лапку Королеву, удалился к себе во дворец.

Кролики тоже, окликая попутчиков, разошлись по своим норам. Некоторые из них, чувствуя угрызения совести, горячо хвалили замечательную идею Задумавшегося, хотя и указывали на ее некоторую незрелость.

Иные кролики спрашивали у жены Задумавшегося, довольна ли она королевской помощью.

– Это невесть что, но все-таки кое-что, – отвечала она любопытствующим кроликам и, в свою очередь, пыталась узнать, включается ли сегодняшний день в пенсионный срок и сможет ли она на этом основании получить завтра четыре морковины у королевского казначея, известного своей скарелдностью и крючкотворством.

– Сегодняшний день включительно! – со всей либеральной решительностью отвечали ей кролики, и тем либеральней и тем решительней отвечал каждый, чем больше не хватило ему решительности поддержать ее мужа во время собрания.

Печально сидел Задумавшийся на опустевшей Королевской Лужайке. Возле него остался один молодой кролик, не только поверивший в правильность его учения (таких было немало), но и решившийся, рискуя спокойной жизнью, следовать за ним.

– Что теперь делать? – спросил он у Задумавшегося.

– Ничего не остается, – отвечал Задумавшийся, – будем думать дальше.

– Можно я буду думать с тобой? – спросил молодой кролик. – С тех пор как я услышал то, о чем ты говорил, у меня появилась жажда знать истину.

– Будем думать вместе, Возжаждавший, – сказал Задумавшийся. – Я всю силу своего ума тратил на изучение удавов, но о том, что сами братья-кролики еще не подготовлены жить правдой, я не знал...

На следующее утро жизнь кроликов продолжалась по-старому. Часть из них ушла пастись в пампасы, часть предпочла тенистые джунгли, а некоторые отправились на огороды туземцев.

Задумавшийся с утра сидел на зеленом холмике, где он и раньше обдумывал свои наблюдения над удавами. Теперь к размышлениям об удавах прибавились тревожные думы о своем же брате-кролике.

С этого холмика открывался чудесный вид на пампу, на изгиб реки, широко разлившейся внизу и поэтому названной обитателями джунглей Лягушачьим Бродом.

Возжаждавший с утра пасся на склоне зеленого холмика, время от времени поглядывая на Задумавшегося и стараясь издали по его позе определить, пришло ему в голову что-нибудь новое или еще нет. Через некоторое время умственное любопытство победило его аппетит, и он, слегка недозавтракав, взобрался на зеленый холмик.

В это время в обширной столовой Королевского Дворца шел обильный по случаю вчерашней победы завтрак. Все Допущенные к Столу, естественно, сидели за столом. Король был в хорошем настроении, за завтраком он много шутил и то и дело подымал высокий бамбуковый бокал, наполненный кокосовой брагой, после чего Допущенные быстро наполняли свои бокалы и выпивали вместе со своим Королем этот веселый бодрящий напиток.

Интересно отметить, что среди Допущенных к Столу сидели несколько охранников. Под видом Допущенных к Столу они следили за разговорами Допущенных к Столу, чтобы вовремя обнаружить следы заговора или просто отклонений от королевской линии, которые впоследствии могли бы привести к заговору.

Но так как они, хотя и сидели под видом Допущенных, на самом деле не были Допущенными, им по инструкции полагалось меньше налегать на особенно ценные продукты, каковыми считались капуста, горох и фасоль. Но так как Допущенные к Столу знали, что среди них есть охранники, сидящие под видом Допущенных, а также знали, что охранникам не положено есть по норме Допущенных, они следили за тем, как едят остальные Допущенные, и в то же время сами старались есть как можно больше, чтобы их не приняли, как говорится в кроличьем просторечии, за шпионов. Но так как те, кого в кроличьем просторечии именовали шпионами,

знали, что, если они будут скромничать за столом, остальные обнаружат их истинные застольные функции, они, стараясь замаскироваться, ели как можно больше, что соответствовало их личным склонностям.

Таким образом получалось, что за королевским столом все ели с огромным патриотическим аппетитом.

На этот раз среди Допущенных не было кролика, занимавшего должность Старого Мудрого Кролика. Его вчерашние колебания, разумеется, не остались незамеченными Королем. На его месте теперь сидел Находчивый, предложивший переименовать Старого Мудрого Кролика в Стармуда, что было встречено веселым одобрением. Король по этому поводу рассказал несколько анекдотов из жизни Стармуда.

В разгар завтрака в столовую вошел, ковыряясь в своих изъеденных временем зубах, тот, над которым сейчас все смеялись и который еще вчера считался первым королевским советником. Оказывается, теперь он завтракал на кухне. Как раз в это время Король шутливо предложил поставить своего бывшего мудреца под сенью морковного дуба и дожидаться, когда на его голову упадет морковный желудь, чтобы посмотреть, получит он теперь сотрясение мозга или нет. Все Допущенные, смеясь королевской шутке, уверяли, что теперь там нечего сотрясать.

– Я знаю, – сказал вошедший, – за что меня пересадили на кухню, но я не знаю, почему мне подали не очень свежие овощи.

– Как, как? – переспросил Король, подмигивая сидящим за столом. – Тебе подали не очень... очень свежие овощи?

Допущенные к Столу стали заходиться в хохоте. При этом многие из них падали на стол с той нежной доверчивостью, с какой влюбленные при подобных обстоятельствах падают на грудь своих возлюбленных, нередко сочетая это движение с мимолетной лаской. В данном случае они, падая на стол, невзначай прихватывали ртом листик капусты или стручок свежего гороха, что, по-видимому, совпадает по смыслу с мимолетной лаской влюбленных.

– Клянусь морковным дубом, сделавшим меня мудрецом, – сказал вошедший, – я оговорился... Но ведь я же потом исправил ошибку?

– Еще бы, – отвечал Король, улыбаясь, – иначе ты завтракал бы не на кухне, а где-нибудь подальше. Ну, ладно, садись, я добрый. В другой раз будешь знать, кто снабжает витаминами твой не очень-очень сообразительный мозг.

Таким образом, под хорошее настроение Старый Мудрый Кролик был возвращен к столу. Правда, Король оставил за ним шутливую кличку Стармуд, что, с одной стороны, вносило в его должность некоторую шутовскую двусмысленность, а с другой стороны, еще больше приближало Находчивого к королевскому семейству.

Примерно с месяц Находчивый жил в числе Допущенных к Столу, припеваючи и попиваючи лучшие королевские напитки, не говоря о самых свежих овощах, доставляемых с огородов туземцев.

Все здесь Находчивому нравилось, и только одно удивляло, что когда собираются Допущенные к Столу, почему-то ни Король, ни остальные не говорят о Цветной Капусте. Это было очень странно, потому что Король при каждой встрече с рядовыми кроликами так или иначе касался вопроса о Цветной Капусте. А здесь почему-то не принято было о ней говорить.

Раздумывая об этом, он решил, что, вероятно, среди Допущенных к Столу есть еще более узкий круг посвященных, то есть Допущенных к Столику, и они, вероятно, не только говорят о Цветной Капусте, но хотя бы раз в неделю пробуют ее. Так думал Находчивый, а спросить ни у кого не решался, потому что не знал, кто именно среди Допущенных к Столу допущен к Столику. Спросить, думал Находчивый, значит признаться, что ты сам к этому Столику не допущен. Он решил дожидаться случая и спросить обо всем самого Короля.

И такое время пришло, потому что Король однажды сам попросил его остаться с ним после обеда для личной беседы.

– У меня к тебе поручение всенародной важности, – сказал Король и, когда Королева прикрыла дверь и, возвратившись, присела рядом с Находчивым, добавил: – Ты готов его исполнить?

– О, Король, – сказал Находчивый, опуская глаза.

– Тут наш придворный Поэт набросал куплет. Так вот, ты должен выйти в джунгли на Нейтральную Тропу и на протяжении всего пути туда и обратно спеть этот куплет...

– Мои уши к вашим услугам, – сказал Находчивый и шевельнул ушами.

Король внимательно посмотрел на его уши, как бы стараясь определить, насколько они надежны.

– Тогда слушай, – сказал Король и прочел стихотворение, записанное соком ягод бузины на широком банановом листе.

Задумавшийся кролик
На холмике сидит.
Видны оттуда пампа
И Лягушачий Брод.
Но буря все равно грядет!

Вздрогнуло сердце Находчивого от страшной догадки.

– Ваше Величество, – с дрожью проговорил он, – не означает ли...

– Не означает, – перебил его Король, нахмурившись.

Находчивый сразу же понял, что пропеть этот куплет – значит выдать удавам своего собрата Задумавшегося. И он сразу же решил отказаться от королевского Стола и уйти в рядовые кролики. Ведь все-таки он был от природы не злой, хотя и очень честолюбивый. Но тут был один щекотливый момент. По принятому придворному этикету кролик, разжалованный в рядовые, обязан был возвратить Королю все полученные награды.

Значит, он должен был возвратить и тот капустный лист, который ему когда-то подарила Королева и с которого началось его возвышение. Но дело в том, что на обратном пути домой он на радостях съел пол капустного листа, хотя никак не должен был его есть, ибо сам же обещал засушить его на память.

Дело в том, что, принимая от Королевы капустный лист в качестве подарка, как она ему предлагала, он имел право его съесть, но, возвышая подарок до награды, как он сам ей предложил, он уже не имел права его съесть.

Все это сейчас с быстротой молнии промелькнуло в голове Находчивого, и он понял, что ему неловко, что он никак, ну, никак не может возвратить Королеве этот наполовину обесцвещенный капустный лист. Конечно, он понимал: никто его за это преследовать не будет, – но так уж устроены кролики, что им сегодняшняя неловкость непереносимей завтрашнего предательства. Неловкость – это сейчас, вот-вот, а завтра – это еще бабушка надвое сказала, может, вообще ничего не будет или, скажем, будет солнечное затмение и по этому поводу все отменят.

– Хорошо, – сказал Находчивый, вздохнув и бросив мученический взгляд на Королеву, – только можно я одну поправку внесу?

– Если это не меняет сути, – согласился Король.

– Я хотел бы пропеть так, – сказал Находчивый и пропел:

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Видны оттуда пампа
И Лягушачий Брод.
Но буря все равно грядет!

– Идет! – сказал Король и весело хлопнул Находчивого по плечу. Он понял, что Находчивый, пытаясь перехитрить его, на самом деле довольно успешно перехитряет свою совесть. – ... Тем более, – добавил Король, – что некоторые считают, будто вообще все это предрассудки...

– А можно я еще одну поправку внесу? – попросил Находчивый и, не дожидаясь согласия Короля, быстро пропел:

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па!
И Ля-ля-ля-чий Брод!
Но буря все равно грядет!

– Ну, это уже романс без слов, – махнул рукой Король, – вот что значит дать слабинку...

– Ничего, ничего, – вдруг перебила его Королева, – так получается еще приманчивей. Только у меня одна просьба. Пожалуйста, когда будешь петь, последние два слова в третьей строчке бери как можно выше. Пам-пам, пам-пам, пам, П-А-А-М! Па. Понятно?

– Конечно, – сказал Находчивый, – я это обязательно учту.

– Ладно, – сказал Король, – так и быть! Добавь только одно слово... Значит, так: «Видны, пам-пам, пам, П-А-А-М! Па», – и не будем торговаться.

– Хорошо, Ваше Величество, – сказал Находчивый.

– И Ля-ля-ля-чий Брод, говоришь? – спросил Король, проверяя на слух последнюю строчку.

– Совершенно верно, – подтвердил Находчивый, – и Ля-ля-ля-чий Брод, пою...

– В наших краях, – сказал Король, задумавшись, – известны три Брода: Тигринный, Обезьяний и Лягушачий... Не получится ли путаница?

– Да нет же, – сказала Королева, – не надо думать, что они глупее нас.

– Мой Король, – спросил Находчивый, – я одного не пойму. При чем тут строчка: «Но буря все равно грядет»?

– Ну, ты же знаешь нашего Поэта, – сказал Король, – он ведь жить не может без бури...

– А он знает, для чего будут использованы его стихи? – спросил Находчивый. Ему было бы легче, если бы не он один участвовал в предательстве Задумавшегося.

– Нет, конечно, – поморщился Король, – он Поэт, он парит в небесах. Зачем его посвящать в наши малоприятные земные дела.

– Да, конечно, – грустно согласился Находчивый.

– Ладно, – сказал Король, – текст утрамбован окончательно. Я удивляюсь, как ты быстро сообразил убрать некоторые натуралистические подробности...

– О, Король, – потупился Находчивый, – в таких случаях само соображается...

– Кстати, – вспомнил вдруг Король лукаво, – можешь доесть тот капустный листик, что тебе подарила Королева...

– О, Королева, – прошептал Находчивый и, ужасно смутившись, спрятал голову между лапками, – простите эту... сладость...

– Чего уж там, – добродушно взбодрил его Король, – все мы кролики... Но какова служба информации, а, Королева?

– Ах ты, плутишка, – промолвила Королева и с грустной укоризной погрозила лапкой Находчивому, – надо было видеть, Король, с каким неподдельным жаром он воскликнул: «Никогда!»

Тут Королева подала Находчивому королевский журнал, где было записано, что такого-то числа придворный кролик Находчивый выступит на Нейтральной Тропе с исполнением «Вари-

аций без слов на тему Бури», дабы всем жителям джунглей было бы ясно, что кролики бодро живут и бодро размножаются.

Находчивый расписался, и Король собственноручно потрепал его по плечу.

– Теперь проси, – сказал Король, – что-нибудь такое, что бы тебе нравилось и что бы я мог сделать.

– Я только спрошу, – отвечал Находчивый. – Я удивляюсь, что за королевским столом никогда не говорят о Цветной Капусте, тогда как, беседуя с народом, вы и другие часто вспоминаете о ней.

– А что говорить, – пожал плечами Король, – опыты проходят успешно, и мы им всячески способствуем... Все Младодопущенные думают, что, кроме Допущенных к Столу, есть еще Сверхдопущенные к Столику...

– А разве нет? – опечаленно спросил Находчивый.

– Нет, дорогой мой, – дружески приобняв его, отвечал Король, – больше не к чему мне вас допускать, разве что супружеское ложе...

– Фу, Король, как грубо, – сказала Королева, отворачиваясь и в то же время стрельнув глазами в сторону Находчивого.

Но Находчивый так опечалился, что даже не заметил этого.

– Теперь ты понимаешь, – сказал ему Король, – почему мне трудней всего?

– Нет, – сказал Находчивый, очень огорченный, что Сверхдопущения не существует.

– Потому что для каждого из вас, – отвечал Король, – есть тайна, вам есть к чему стремиться. А у меня нет тайны постижения. Если я уж чего не понимаю, так это навсегда... Вот почему мне трудней всех в моем королевстве... Но у меня одно утешение... Ему, – Король показал лапой на небо, – еще трудней...

– Но если нет Сверхдопущения к Столику, то и мне не к чему стремиться! – воскликнул Находчивый, через свое разочарование поняв печаль Короля. – Как это грустно!

– Это у тебя пройдет, – сказал Король уверенно, – со временем стремление удержаться за Столом делается единственным неутоляемым стремлением Допущенных к Столу. А теперь ступай... Выпись... И завтра со свежими силами на Нейтральную Тропу...

Находчивый раскланялся и покинул королевский дворец.

– Знаешь, чем мне нравится Находчивый? – сказал Король, прохаживаясь по кабинету. – Тем, что у него есть совесть.

– С каких это пор? – спросила Королева несколько удивленно.

– Ты ничего не понимаешь, – сказал Король, останавливаясь посреди кабинета. – Когда даешь кролику деликатное поручение, бессмертная доза совести бывает очень полезна.

– Я не очень тебя понимаю, – отвечала Королева рассеянно, потому что она все еще была огорчена тем, что Находчивый с его такими живыми глазками оказался такой ненадежный.

– Да, – повторил Король, продолжая прохаживаться по кабинету, – когда кролик, выполняя деликатное поручение, испытывает некоторый стыд, он старается как можно чище выполнить его, чтобы потом не извиваться от стыда, оставив за собой неряшливые улики. А это как раз то, что нам надо. Бессмертная доза совести, вот что должны прививать кроликам наши мудрецы.

– Но каковы мужчины, – сказала Королева, вздохнув, – сам говорил: «Никогда!» И сам же его съел.

– Будем надеяться, что съест, – ответил Король невпопад, обдумывая, как бы лучше внедрить в сознание кроликов бессмертную дозу совести, чтобы они, работая на благо королевства, никогда не оставляли за собой неряшливых улик.

Сейчас мы немного отвлечемся от нашего сюжета и расскажем историю взаимоотношений Короля кроликов и Поэта.

В характере Поэта причудливо сочетались искреннее сочувствие всякому горю и романтический восторг перед всякого рода житейскими и природными бурями.

Кстати, Король пришел к власти благодаря одной из бурь, которые неустанно воспевал Поэт.

– Это не совсем та буря, которую я звал, – говаривал Поэт, в первое время недовольный правлением Короля.

Но потом они примирились. Король его соблазнил, обещав ему воспевание бурь сделать безраздельным, единственным и полным содержанием умственной жизни кроликов. Против этого Поэт не мог устоять.

Одним словом, Поэт ужасно любил воспевать буревестников и ужасно не любил созерцать горевестников.

Увидит буревестника – воспоеет. Увидит горевестника – восплачет. И то и другое он делал с полной искренностью и никак при этом не мог понять, что воспевание буревестников непременно приводит к появлению горевестников.

Бывало, не успеет отрыдаться на плече горевестника, а уже высмотрит из-за его поникшего плеча взмывающего в небо буревестника и приветствует боевую птицу радостным кличем.

Он был уверен, что его поэтический голос непременно взбодрит буревестника и напомнит окружающим кроликам, что, кроме любви к свежим овощам, есть у них высшее предназначение – любовь к буре. Кролики иногда прислушивались к его голосу, сравнивая любовь к овощам с любовью к высшему предназначению, и каждый раз удивлялись, что любовь к овощам они ясно ощущают в своей душе, а любовь к высшему предназначению они чувствуют очень смутно, точнее, даже совсем не чувствуют.

В старости Поэт все так же восторгался при виде буревестника, но, ослабнув зрением, стал за него иногда принимать обыкновенную ворону. И Король, чтобы Поэт не конфузился перед рядовыми кроликами, велел приставить к нему глазастого крольчонка-поводыря, чтобы тот его вовремя останавливал. Кстати, крольчонок этот оберегал Поэта и от всяких колдобин и ям, когда они гуляли в пампасах, потому что Поэт все время смотрел на небо в поисках буревестника и не замечал вокруг себя ничего.

– Разразись над миром... – бывало, начинал Поэт, но тут его перебивал глазастый крольчонок:

– Дяденька Поэт, это не буревестник, это ворона!

– Ах, ворона, – отвечал Поэт, несколько разочарованный. – Ну, ничего, призыв к буре никогда не помешает!

Но мы опять отвлеклись, а надо о жизни Поэта и Короля рассказывать по порядку. К тому же вся эта история, в сущности, гораздо грустнее, и надо соответственно снизить тон.

Одним словом, когда Король и Поэт примирились, Король обещал в самое ближайшее время ввести всеобщее образование кроликов.

– Только так мои мудрые повеления и твои божественные стихи смогут стать достоянием всех кроликов, – говаривал будущий Король.

Но оказалось, что будни королевской жизни заполнены таким большим количеством государственных мелочей, что до великих замыслов руки у Короля никак не доходили.

– Крутишься на троне, как белка в колесе, – оправдывался Король, когда друг юности напоминал о его смелых замыслах, – но я велел заготовить еще десять кадок чернил... Так что кое-что делается в этом смысле.

Король заготавливал впрок чернила из сока бузины, чтобы, когда придет время, сразу все королевство кроликов обеспечить средствами борьбы с безграмотностью. Но время шло, а до всеобщего образования кроликов руки у Короля никак не доходили. Единственное, что он успевал сделать, это время от времени давать распоряжения заготовить еще несколько кадок чернил из сока бузины на случай будущих надобностей.

Но время надобностей никак не наступало, а сок бузины, перебродив в кадках, превращался в прекрасный крепкий напиток, о чем, впрочем, никто не подозревал, пока через многие годы Поэт однажды, мучительно грызя свое поэтическое перо, случайно не всосал сквозь его трубчатое тело бодрящий сок чернил. Слух о свойствах чернил быстро распространился среди кроликов, и они стали проявлять неудержимую склонность к самообразованию. Но подробнее об этом мы расскажем в другом месте.

Держа в руках королевскую власть, Король кроликов с горечью убеждался, что все силы уходят на то, чтобы эту власть удержать. Для чего власть, думал Король иногда, если все силы уходят на то, чтобы ее удержать? В конце концов он пришел к такому решению, что надо увеличить королевскую охрану, чтобы освободить свое время и силы для дел, ради которых он и рвался к власти. И он увеличил королевскую охрану и почувствовал, что ему становится легче: часть сил, уходившая на то, чтобы удержать власть, освободилась. Но в один прекрасный день ему в голову пришла вполне здравая мысль, что такая сильная охрана может сама попытаться отнять у него власть. Как же быть?

Если сейчас внезапно уменьшить охрану, решил Король, злоумышленники подумают, что наступил удобный случай для захвата власти. Поэтому он еще больше увеличил охрану, дав новым охранникам тайное задание охранять Короля от старой охраны.

Но это еще больше осложнило положение Короля. Стало ясно, что новая охрана, имея такие широкие полномочия внутри старой охраны, будет слишком безнадзорной и потому опасной для Короля. Тогда он старой охране дал тайное указание следить за новой охраной на случай, если новички захотят его предать.

Но это еще больше запутало Короля и осложнило его жизнь. Имея такую огромную охрану с такими сложными полномочиями, надо было дать каждому охраннику какую-то ежедневную работу, иначе, развратившись от безотчетной власти, любой из них мог стать злоумышленником.

И вот, чтобы у каждого была работа и каждый должен был бы отчитываться за нее, пришлось вести слежку за всем племенем кроликов и в особенности за теми кроликами, которые находились на королевской службе. Но среди тех, кто находился на королевской службе, было немало кроликов, которым Король абсолютно доверял. Это были товарищи его юности, помогавшие ему взять власть в свои руки.

И вот пришлось установить слежку и за этими кроликами, хотя Король им доверял. Сложность его теперешнего положения состояла в том, что он не мог сказать: таких-то и таких-то кроликов надо освободить от слежки, потому что он им доверяет, а за такими-то следить. Это было бы слишком не похоже на Закон, который должен ко всем относиться безразлично.

– Я себя не исключаю, – говорил Король Начальнику Охраны, – если обнаружите, что я в заговоре против своей законной власти, карайте меня, как всех.

– Только попробуйте войти в такой заговор, – грозно отвечал ему Начальник Охраны, и это успокаивало Короля.

Ведь если вводится закон о тайной слежке, он должен относиться ко всем одинаково, думал Король. Ведь если всех кроликов, находящихся на королевской службе, разделить на тех, за кем надо следить, и тех, за кем не надо следить, это вызовет в умах охранников слишком грубые и ошибочные представления о том, что есть кролики, которым все доверяют, и есть кролики, которым ничего не доверяют. На самом деле все обстоит намного сложнее, и истина более опасно переливчата.

Те, за которыми следят, узнав, что есть те, за которыми не следят, могут слишком сильно обидеться и уже в глубоком подполье устроить заговор против Короля.

Но то же самое могут сделать и те, за которыми не следят. Именно в силу того, что кругом за всеми следят, а за ними не следят, они могут по закону соблазна устремиться к осуществлению возможностей, вытекающих из этого положения.

А между тем, установив слежку за друзьями юности, которым он доверял, Король чувствовал угрызения совести. Друзья его юности, заметив, что за ними установлена слежка, и, значит, Король им не доверяет, стали с ним вести себя сдержанней, то есть, с его точки зрения, стали скрытными.

Но все-таки каждый раз, когда он думал о друзьях юности, за которыми он установил слежку, он чувствовал угрызения совести и от этого ему было неприятно. Время шло, и постепенно Король позабыл, почему, вспоминая о друзьях своей юности, он чувствует какую-то неприятность.

Он только чувствовал, что они ему внушают какое-то неприятное чувство, и решил, что чувство это вызывается их подозрительной сдержанностью.

Сам того не замечая, он перед собой пытался оправдать свою неприязнь к друзьям юности за счет донесений тех, кто следил за ними. Слушая доклады об их жизни, он каждый раз проявлял такой живой и жадный интерес ко всему, что в их жизни могло показаться подозрительным, что следящие за ними не могли не почувствовать это. Почувствовав живой интерес Короля ко всему подозрительному, следящие сначала бессознательно, а потом и сознательно стали подчеркивать в своих донесениях все, что вызывало живой интерес Короля.

Как это ни странно, им помогало именно то обстоятельство, что друзья его юности были абсолютно чисты. В таких случаях именно чистые кролики подвергаются наиболее опасной клевете.

Существо, имеющее профессию выявлять в другом существе возможности враждебных мыслей или действий, не может рано или поздно не постараться обнаружить такие мысли и такие действия. Долгое время ничего не обнаруживая, оно слишком явно обнаруживает ненужность своей профессии.

Но почему более чистый кролик в таких случаях должен страдать сильнее?

Не давая никаких реальных примет враждебности, он вынуждает кролика, следящего за ним, рано или поздно приписывать ему какую-нибудь подлость. И при этом немалую подлость. Но почему немалую? Так устроена психология кроликов. Не приписывать же кролику, на которого надо донести, что он скрыл от королевского склада лишнюю морковку. Это как-то глупо получается! Чтобы оправдать перед собой подлость доноса, доносящий кролик выдуманное злодеяние делает достаточно значительным, и это ему самому помогает сохранить чувство собственного достоинства. Одно дело, когда кролик приписал другому кролику заговор против Короля, и совсем другое дело, когда он приписал ему лишнюю морковку, не сданную в королевский склад.

Психология кроликов так забавно устроена, что доносящему кролику проще доказать, что невинный кролик устроил заговор против Короля, чем доказать, что тот же невинный кролик подворовывает на складе королевскую морковку.

В последнем случае начальник, которому он докладывает об этом, вполне может спросить:

– А кто, собственно, видел, что он ворует морковку? – И тогда доносящий кролик должен привести убедительные доказательства.

Но если доносящий кролик докладывал начальнику о заговоре против Короля, в котором участвует тот или иной кролик, то начальник не мог спросить у него:

– А где, собственно, доказательства существования заговора?

Почему не мог спросить? Да просто потому, что так устроена психология кроликов. Когда какого-нибудь кролика обвиняют в государственной измене, требовать доказательств существования этой измены считается у кроликов ужасной бестактностью. Такой нежный, такой интимный вопрос, как верность или неверность Королю, и вдруг какие-то грубые, зримые, вещественные доказательства. С точки зрения кроликов это было некрасиво и даже возмутительно.

И стоит ли удивляться, что доносящий кролик, услышав от начальника требование доказательств измены того или иного кролика, мог воскликнуть в порыве патриотического гнева:

– Ах, ты не веришь в существование заговора?! Да ты сам в нем состоишь!

В королевстве кроликов страшнее всего было оказаться под огнем патриотического гнева. По обычаям кроликов, патриотический гнев следовало всегда и везде поощрять. Каждый кролик в королевстве кроликов в момент проявления патриотического гнева мгновенно становился рангом выше того кролика, против которого был направлен его патриотический гнев.

Против патриотического гнева было только одно оружие – перепатриотичить и перегневить патриота. Но сделать это обычно было нелегко, потому что для этого нужен разгон, а разогнаться и перепатриотичить кролика, который вплотную подступился к тебе со своим патриотическим гневом, почти невозможно.

В силу вышеизложенных причин начальники доносящих кроликов не решались требовать доказательств, когда речь шла об измене Королю того или иного кролика.

Совершив несправедливость по отношению к своим бывшим друзьям, Король в глубине души готов был ожидать, что они постараются отомстить ему за эту несправедливость. И когда стали поступать сведения об их измене, он эти сведения воспринимал с жадным удовлетворением. Вскоре в окружении Короля не осталось ни одного из старых друзей, кроме Поэта. А что же он?

Сначала он напоминал Королю о его великих предназначениях, и Король ему неизменно отвечал, что все помнит хорошо, но пока, к сожалению, приходится вертеться на троне, как белка в колесе. Кроме того, он приказывал заготовить еще несколько кадок чернил, чтобы, когда придет время всеобщего образования кроликов, быть наготове.

Поэта сначала мучила совесть, и он решил, по крайней мере, ничего прямо прославляющего Короля не писать. Но что-то мешало ему уйти от придворной жизни и роскоши, к которой привык и он, и, что самое главное, его постепенно разросшаяся семья.

– Ведь Король все-таки кое-что делает для будущего, – говаривала жена Поэта, – вон новые кадки с чернилами стоят в королевском складе.

– Придется подождать, посмотреть, – утешал себя Поэт и делал то, что мог, а именно не писал стихов, прославляющих Короля.

Когда Король стал уничтожать своих друзей, кроме мучения совести, Поэт стал чувствовать мучения страха.

Он считал, что Король преувеличивает опасность, но, видимо, нет дыма без огня, ведь его, Поэта, не арестовывают, не подвешивают за уши, как других кроликов.

Однажды Король пригласил его на ночную оргию, где пили хорошо перебродивший нектар и веселились в обществе придворных балеренок. Поэту пришлось веселиться со всеми, чтобы не обижать Короля. Впрочем, сам Король неожиданно освободил его от не слишком настойчивых угрызений совести.

– Ох, и достанется нам когда-нибудь от нашего Поэта, – сказал Король шутливо в разгар оргии.

Сам того не ведая, он заронил в душу Поэта великую мечту. Он решил, что отныне вся его жизнь будет посвящена разоблачению Короля гневной поэмой «Буря Разочарования». И ему сразу стало легче.

С тех пор он не пропускал ни одного греховного увеселения Короля, оправдывая это тем, что он все должен видеть своими глазами, чтобы разоблачение было глубоким и всесторонним.

– Мне что, для меня все это только материал, – говаривал он, глотая цветочный нектар или обнимая придворную балеринку.

Поэт очень быстро привыкал к материалу, который впоследствии собирался разоблачить гневным сатирическим пером. Иногда ему самому представлялось странным, что он вновь и

вновь старается испытать те низменные удовольствия, которые он уже испытывал. Ему все казалось, что он еще недочувствовал каких-то тонких деталей нравственного падения Короля.

И все-таки он искренне готовился написать свою поэму «Буря Разочарования». Он думал начать ее, как только удалится от придворной жизни. А удалиться он собирался, как только изучит все детали падения Короля. Он считал аморальным начинать поэму, пока сам пользуется всеми льготами придворной жизни.

Поэтому он решил, не теряя времени, разрабатывать поэтические ритмы своей будущей разоблачительной поэмы. Работа с ритмами без слов ему очень понравилась. С одной стороны, его гневные порывы не пропадали даром, а с другой стороны, смысл их оставался недоступным придворным шпионам. Он сочинял какой-нибудь ритм, записывал его на листке магнолии и прятал в ящик, сокращенно надписав на ритме смысл его будущего предназначения, чтобы потом не забыть. Иногда он эти ритмы читал Королю, и Король всегда одобрял свежесть и наступательный порыв каждого нового ритма.

Однажды он прочел ему ритм, выразивший ярость по поводу медлительности Короля в деле всеобщего образования кроликов.

Одоблив ритм, Король сказал:

– Тебе хорошо, ты разговариваешь прямо с богом, а мне с кроликами приходится иметь дело. Я тебя прошу, заполни этот ритм яростным разоблачением кроликов, медлящих с уплатой огородного налога.

Услышав такую просьбу, прямо противоречащую смыслу его ритма, Поэт растерялся и согласился исполнить просьбу Короля. Ему показалось, что Король что-то заподозрил, и он таким образом решил рассеять его подозрения. Он пришел домой и написал заказанные ему стихи.

Между тем несправедливое использование ритма праведной ярости вызвало в душе Поэта новый прилив еще более яростного ритма, и он, записав его, окончательно успокоился. Как обычно, для маскировки он сделал заголовок над записью ритма: «Повторная ярость по поводу...»

– Дорого обойдется Королю это мое унижение, – сказал он себе, представляя, как он исхлестает Короля, когда заполнит словами ритмы повторной ярости.

Теперь каждый раз, когда Король такими беспардонными просьбами унижал его божественные, ну, если не божественные, то, во всяком случае, праведные ритмы, в душе Поэта зарождался новый ритм протеста, и он его записывал, чтобы в будущем еще более язвительными стихами разоблачить Короля в поэме «Буря Разочарования». Так что теперь, читая Королю свои новые ритмы, он с немалым самоедским удовольствием ждал нового унижительного задания.

Кстати, во время исполнения одного из этих унижительных заданий он, грызя верхний конец своего гусяного пера, случайно втянул чернила из перебродившего сока бузины и почувствовал прилив вдохновения. Позже, как мы уже говорили, открытие его стало достоянием всего племени кроликов.

Наконец он принял решение уйти со двора, чтобы начать поэму, но тут жена стала на его пути. Она сказала, что ему сейчас хорошо уходить со двора, он уже прожил свои лучшие годы, а каково его подростку сыну покидать двор, когда перед ним раскрывается такая карьера.

– Вот устрой сына, тогда уйдем, – сказала она ему, – а ты пока еще пособирай ритмы...

И он устроил сына в королевскую охрану, и ему по этому поводу пришлось вынести унижительный разговор с Начальником Охраны, которого он не любил за жестокость и который его презирал за стихи.

Но и после этого он не смог покинуть двор. Упрямая жена его начала закатывать истерики, потому что поэтическая глушь, о которой он мечтал, была малоподходящим местом для его дочерей, собирающихся выйти замуж за кроликов придворного круга.

- Пристроим сначала дочерей, – рыдала она, – а ты пока пособирай ритмы.
- Да я уже вроде достаточно собрал, – пытался он вразумить жену.

Но вразумить жену не удалось еще ни одному поэту, и ему пришлось подождать, пока дочери выйдут замуж. А все это время он принимал участие в различных увеселениях Короля, хотя пока еще и не принимал участия в его коварных проделках.

Именно в это время Король придумал хитроумный, как ему казалось, способ убирать подозрительных кроликов. Дело в том, что в вегетарианском королевстве кроликов смертной казни не существовало, а убирать всех подозрительных кроликов при помощи удавов было слишком хлопотно. И вот что он придумал.

Он стал объявлять ежегодный конкурс на должность Старого Мудрого Кролика. Как известно, Старый Мудрый Кролик попал на эту должность после того, как он получил сотрясение мозга от упавшего на его голову морковного желудя, когда он находился под сенью морковного дуба. Получив сотрясение мозга, кролик этот неопровержимо доказал, что в его голове было, что сотрясать, и его назначили на эту должность.

С тех пор подозрительных кроликов, а подозрительными Король находил именно тех кроликов, которые выступали за дальнейшее усовершенствование правления кроликов, Король заставлял принимать участие в конкурсе на должность Старого Мудрого Кролика.

– Посмотрим, – говорил он, – если выяснится, что вы и есть в настоящее время Старый Мудрый Кролик, мы тогда серьезно обдумаем ваши предложения.

Кроликов, заподозренных в претензии на должность Старого Мудрого Кролика, ставили под морковный дуб, после чего сверху начинали трясти дерево, чтобы вызвать при помощи падающих морковных желудей сотрясение мозга конкурентов.

Обычно несколько кроликов после этого погибало от наиболее прямых попаданий морковных желудей. Оставшиеся кролики продолжали конкурс победителей, и в конце концов, когда оставался последний кролик, он или отказывался от претензий на должность Старого Мудрого Кролика, или, если не отказывался, придворный врач объявлял, что он не получил сотрясение мозга по той простой причине, что в голове его нечего было сотрясать.

Поэт не только не одобрял этого издевательства над наивным тщеславием кроликов, но, рыдая, следил за жестоким зрелищем. Щадя его чувствительное сердце, придворные кролики иногда пытались увести Поэта в сторону от морковного дуба, но он, продолжая рыдать, упирался и не уходил.

- Нет, – говорил он, – я должен испить эту чашу до дна.

При этом, утирая глаза, он мельком успевал взглянуть на небо, по-видимому, в ожидании утешительного пролета гордой птицы.

Интересно отметить, что во время ежегодного конкурса, в разгар тряски морковного дуба некоторые кролики, вовсе ни в чем не заподозренные, сами вбегали в зону падения желудей, надеясь, что вдруг в них обнаружится мудрость, достойная должности Старого Мудрого Кролика.

Наблюдая за картиной этого горестного выявления мудрости, Поэт не только создал ритм, выражающий бурю протеста, но и, рискуя своим положением, заполнил словами его начало. В узком кругу доверенных друзей он его иногда читал:

Разразись над миром, буря,
Порази морковный дуб!

Прочитав эти строчки, он молча всовывал в стол листик магнолии, на котором они были написаны, а потрясенные друзья переглядывались, покачивая головой и тем самым выражая догадку о безумной храбрости зашифрованной части стихотворения.

- А ведь морковный дуб растет рядом с дворцом, – наконец произносил один из них.

– В том-то и вся соль, – добавлял другой.

Впрочем, безумная храбрость на этом заглохла. Поэт считал, и притом не без оснований, что пока он находится при дворе, пользуясь излишествами в еде и сладострастными излишествами ночных оргий, он не имеет никакого права выступать против Короля.

Но вот дочери его вышли замуж, и тут всплыло новое обстоятельство. Оказывается, работнику королевской охраны, то есть его сыну, как кролику, приобщенному к тайнам охраны, запрещено иметь родственников, удаленных или тем более добровольно удалившихся за границу двора.

Пришлось помочь сыну уйти из охраны и перевести его на работу в казначейство. На это ушел еще один год.

И тут обнаружилось, что через год исполняется двадцать лет его безупречной службы Королю и по законам королевства он должен был получить звание Первого Королевского Поэта. Такое звание при жизни ничего не давало, потому что у него уже было все, но после смерти давало ему право захоронения в Королевском Пантеоне среди самых почетных кроликов королевства.

Удалиться со двора перед самым получением этого звания было бы неслыханной дерзостью, а уходить после получения звания было бы хамской неблагодарностью, и он остался еще на несколько лет.

Теперь он уже был стар, но все-таки жизнь казалась бы слишком невыносимой, если бы он отказался от своего замысла. Однажды, перебирая высохшие листья магнолии с записями ритмов будущей поэмы «Буря Разочарования», он тихо рассмеялся.

– Ты чего? – спросила жена, которая только что возвратилась из королевского склада, где получала продукты.

– Да так, – сказал он, осторожно, чтобы они не рассыпались, откладывая ворохи пожелтевших листьев магнолий, на которых были записаны его ритмы, – запасы моих ритмов напминают запасы чернил Короля.

– Мало ли какие совпадения бывают, – ответила жена, раскладывая на столе свежие продукты с королевского склада.

Да, теперь поэт понимал, что семья – не самое серьезное препятствие. Конечно, жена поворчит немного, лишившись придворного продуктового пайка, но останавливать его не будет. Препятствие было в нем самом. Он был достаточно стар, чтобы думать о своей смерти. Он знал, что если умрет, оставаясь при дворе, то будет похоронен по самому высокому разряду в Королевском Пантеоне. Конечно, формально такое право за ним оставалось, даже если бы он ушел со двора, но кто его знает, как Король воспримет его уход.

Какое трагическое противоречие, думал он иногда, никто, кроме меня, не может помочь моему трупу получить достойные похороны.

– Если бы я мог, – говаривал он жене, – похоронить себя с почестями, потом уйти со двора и спокойно писать свою поэму.

– Да не волнуйся ты, – отвечала жена, – похоронят тебя с почестями...

– Если останусь при дворе, конечно, похоронят, – отвечал Поэт, – но мы же собираемся покинуть двор... Идеально было бы похоронить себя с почестями, потом написать поэму «Буря Разочарования» и спокойно умереть...

– Ты слишком много хочешь, – отвечала жена, – другому на всю жизнь было бы достаточно, что он открыл кроликам такой прекрасный веселящий напиток... Ты уже много сделал для племени, пусть другие теперь постараются...

– Будем надеяться, что кое-что сделал, – отвечал Поэт, обдумывая, как пристроить лучшим образом свой будущий труп, и одновременно стараясь извлечь новый поэтический ритм из своих горестных раздумий.

Положение было настолько безвыходным, что он иногда предавался самым мрачным фантазиям. Ему приходило в голову притвориться мертвым, дать себя похоронить в Пантеоне, а потом, тайно покинув свой роскошный склеп, уйти в джунгли и там спокойно писать свою поэму.

Но у него хватало здравого смысла понять, насколько этот проект рискованный. Даже если б он удался, его угнетала мысль о неполноценности такого склепа. Конечно, другие будут считать, что он лежит в своем прекрасном склепе. Но он-то будет знать, что это не так, он-то будет знать, что раз он не лежит в своем склепе, значит, в сущности, этот склеп ему не принадлежит.

Так и не найдя выхода из этого трагического противоречия, Поэт заболел и в один прекрасный день умер. Перед самой смертью его посетил Король со своими сподвижниками и, пожелав ему доброго здоровья, намекнул, что в случае его смерти он самым лучшим образом распорядится его трупом.

И Король выполнил свое обещание.

Над трупом Поэта склонялись знамена с изображением Цветной Капусты. Сам Король и все Допущенные к Столу стояли в почетном карауле, а молодые кролики читали стихи Первого Поэта кроликов.

Его похоронили в Пантеоне, а ворохи листьев магнолии с записями ритмов будущей поэмы перешли в королевский архив. Главный ученый королевства расшифровал все ритмы будущей его поэмы и нашел на каждый из них соответствующее стихотворение, вошедшее в хрестоматию королевской поэзии.

Так, для ритма, кратко озаглавленного «Ярость по поводу медлительности...», он нашел стихотворение, высмеивающее злостных неплательщиков огородного налога. А на ритм, озаглавленный «Повторная ярость по поводу...», он нашел стихотворение, высмеивающее все тех же, а может быть, и других неплательщиков огородного налога.

И так все ритмы нашего трагического неудачника были расшифрованы столь примитивным образом, что дало более поздним поколениям кроликов возможность утверждать, будто Первый Поэт кроликов был довольно-таки бездарный рифмоплет.

Правда, находились и более образованные ценители поэзии, которые утверждали, что у Поэта был ранний период, когда он писал божественные стихи, и только впоследствии под влиянием Короля он стал писать чепуху.

Но другие, еще более тонкие знатоки (а может быть, еще более тонкие хулители?) утверждали, что и в более ранних стихах его замечалась та неуверенность в силе истины, то есть они имели в виду неуверенность в конечной и самостоятельной ценности истины, что является, по их мнению, единственным признаком прочности и жизнестойкости всякого творчества. Именно отсутствие этой уверенности в душе Поэта, по их мнению, привело впоследствии к столь прискорбному падению его таланта.

К сожалению, к нам в руки не попали эти спорные или бесспорные продукты самого раннего творчества нашего Поэта, и у нас нет собственного мнения по этому поводу. Мы просто излагаем мнения поздних ценителей, чтобы познакомить читателей, интересующихся этим вопросом, с самим фактом существования такого мнения.

Ибо все это касается несколько более поздней истории королевства кроликов. Наша тема – это, в сущности, расцвет королевства кроликов в ожидании Цветной Капусты.

...Теперь вернемся к событиям, на которых мы прервали свой рассказ. На следующий день посреди джунглей послышалась веселая песенка.

Задумавшийся некто
На холмике сидит.

Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па!
И Ля-ля-ля-чий Брод!
Но буря все равно грядет!

Разумеется, это был голос Находчивого. Он уже несколько раз пропел свой нехитрый куплет, но никто на него не отзывался. Тем лучше, думал Находчивый радостно, я им так запутал эту песню, что тут сам черт ногу сломит. Тем более я на свой риск убрал главное слово в третьей строчке «видны»... Попробуй догадаться: кто задумался, о чем задумался и кому на пользу то, что он задумался?!

Он еще раз спел свой куплет и, не услышав ни в траве, ни в кустах знакомого омерзительного шелеста, совсем успокоился и пошел еще быстрее. Если я буду очень быстро идти, то я быстрее пройду Нейтральную Тропу, и ни один удав не успеет понять, о чем я пою, думал Находчивый, сам удивляясь своей находчивости. Теперь он бежал вприпрыжку, напевая на ходу свою песенку, и только иногда останавливался, чтобы перевести дыхание и еще раз убедиться в приятном бесплодии своего пения.

На этот раз Находчивый остановился под сенью дикой груши, росшей у самой Нейтральной Тропы. Здесь он решил передохнуть и заодно полакомиться грушами, падающими с дерева, если дикие кабаны не успели их сожрать.

Как раз в это время две мартышки, мартышка-мама и мартышка-дочка, зацепившись хвостами за одну из верхних веток, раскачивались на груше. Услышав приближающееся пение Находчивого, мартышка-мама перестала раскачиваться и тревожно прислушивалась к пению. Мартышка-дочка тоже прислушалась.

– Опять Король кроликов кого-то предает, – сказала мартышка-мама, – ну и противный голос у этого Глашатая.

– А что такое «Ля-ля-ля-чий Брод»? – спросила мартышка-дочка.

– Это Лягушачий Брод, – сказала мартышка-мама, снова начиная раскачиваться на хвосте. – Одно утешение (и раз! взмах руками, чтобы усилить раскачку): сколько я их здесь ни вижу, этих Глашатаев, они ненамного (и снова раз! взмах руками, чтобы усилить раскачку) переживают свою жертву.

– Значит, предавать – это убивать, – догадалась мартышка-дочка, – только не своими руками?

– Да, – согласилась мартышка-мама, добившись нужной раскачки, – предательство – это всегда убийство чужими руками своего человека, как сказали бы туземцы... А теперь следи за мной. Видишь, как я свободно тело держу? Когда откачнешься на самую высокую точку, отпускаешь хвост и падаешь, ни о чем не думая. Но как только долетела до нужной ветки, легчайшим взмахом забрасываешь за нее хвост, а сама летишь дальше. Хвост сам захлестывается, и ты прочно повисаешь на ветке.

– А у меня почему-то хвост не выдерживает, и я падаю, – ответила мартышка-дочка.

– Потому что ты по дороге от страха цепляешься за всякие там лианы, – объясняла мартышка-мама, – у тебя не получается скорости захлеста. Запомни, во время вертикального падения главное – скорость захлеста. Падение – ничего. Скорость захлеста – все. Раз, – сказала она, усиливая мах и одновременно расслабляя тело и этим показывая, что совершенно не боится за его судьбу, – два-три...

Мартышка-мама полетела вниз, придав лицу то выражение безмятежности, которое бывает у туземок, когда они вяжут одежду из шерсти животных. Но вот хвост ее вяло закрутился за нужную ветку, и через мгновение, сдернутый силой тяжести тела, он намертво зацепился за ветку.

– Понятно? – спросила снизу мартышка-мама, глядя на свою дочку.

– Понятно, – ответила дочка не очень уверенно, глядя вниз, где покачивалась ее мама, и еще ниже, где под сенью дерева ходил Находчивый, собирая груши, слетевшие с ветки, за которую зацепилась мартышка-мама.

Поев груш, Находчивый залюбовался резвящимися мартышками. Хорошо им, вдруг подумал он с грустью, прыгают себе по веткам, и никаких тебе песен, никаких тебе королевских поручений.

– А тебе кто мешает? – вдруг услышал он голос из самого себя.

– Как кто? – ответил он громко от неожиданности. – Надо же стремиться к лучшему, раз природа сделала меня находчивым.

Он прислушался, ожидая, что голос внутри его что-нибудь ему ответит, но голос почему-то не отвечал.

– То-то же, – строго сказал Находчивый этому голосу и зашагал дальше.

Он дошел до конца Нейтральной Тропы и повернул назад, думая о том, что это за чертовщина внутри его завелась. Ему было все-таки как-то не по себе. Главное, что голос этот неожиданно начался и неожиданно замолк. Если ты решил спорить со мной, спорь, думал Находчивый, а иначе что это получается? То вдруг возник, то вдруг исчез, а у меня настроение портится. Ну, нет, назло тебе спою еще раз:

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па!
И Ля-ля-ля-чий Брод!
Но буря все равно грядет!

Он спел и прислушался к джунглям. Ни один тревожный звук не возник в ближайшем окружении. Ну вот, еще разочек спою, мысленно сказал он тому голосу, и все, я свободен!

И вдруг он услышал ненавистное шипение в кустах папоротника, и в сторону реки, покачивая вершины папоротников, потянулось, полилось невидимое тело удава. Мало ли, кто куда ползет, с ужасом подумал Находчивый, пытаясь себя утешить. Нет, нет, я не верю, что он туда ползет! И чтобы самому себе доказать, что он не верит этому, он стал громко и уже не прерываясь петь свою песню.

И мысли его в то время лихорадочно проносились в голове. Зачем я не ушел в рядовые, думал Находчивый. Но я не мог уйти в рядовые, тут же оправдался он. О, если б я не отъел подарок Королевы, я бы мог уйти в рядовые. О, если бы я знал, что они и так знают, что я надкусил капустный листик, я бы тогда тоже ушел бы в рядовые. О, если б, думал он, продолжая петь и возвращаясь по Нейтральной Тропе.

А все-таки, вдруг этот удав сам по себе полз в сторону реки, может быть, он уже давным-давно куда-то завернул, думал Находчивый, стараясь освободиться от тоски, которая ему была очень неприятна. А вон и груша, сказал он себе, если мартышки на ней, узнаю у них, не проползал ли здесь удав. Может, он уже давно завернул в другую сторону.

А между тем мартышка-мама и мартышка-дочка все еще продолжали отрабатывать вертикальный прыжок. За это время дочка успела свалиться с дерева, потому что у нее опять не получился захлест. Почесывая ушибленный бок, она уныло слушала свою маму, которая посвящала ее в тонкости прыжка.

– Но ведь я сейчас не цепляюсь за ветки, а у меня все равно не получилось, – говорила она в свое оправдание.

– Именно потому, что ты не цеплялась, – объясняла ей мартышка-мама, качаясь на хвосте и снизу вверх поглядывая на дочку, – ты еще больше испугалась, и у тебя от страха затвердел хвост. Тогда как во время захлеста хвост должен быть совершенно расслабленным...

Тогда получается достаточное количество витков, полностью обеспечивающих безопасность... Попробуем еще раз...

Мартышка-дочка зацепилась хвостом за ветку и только взмахнула руками для раскачки, как вдруг заметила внизу у самой Нейтральной Тропы ползущего удава.

– Удав! – крикнула она. – Я боюсь.

– В сторону реки ползет, – уточнила мать.

– Уж не Глашатай ли его накликнул?! – воскликнула дочка.

– А кто же еще, – вздохнула мартышка-мама, – давай, он уже достаточно отполз.

– Подожди, мама, – сказала дочка, – я вся дрожу... Как только подумаю, что этот Задумавшийся там сидит на своем холмике, а к нему ползет удав, подосланный своими же кроликами, мне делается не по себе...

– Успокойся и еще раз попробуй, – сказала мартышка-мама, – значит, теперь главное – расслабить хвост...

Мартышка-дочка почему-то никак не могла успокоиться. А тут вдруг послышались быстрые звуки предательской песни. Это Королевский Глашатай возвращался назад по Нейтральной Тропе.

– Чего он поет, – удивилась мартышка-дочка, – разве он не знает, что удав уже прополз?

– Еще как знает, – ответила мартышка-мама, – это он нарочно, чтобы никто не подумал, что предательство и песня связаны друг с другом... Мол, он поет сам по себе, а удав сам по себе наткнулся на Задумавшегося...

– До чего ж хитер! – воскликнула мартышка-дочка. – Уж не от кроликов ли произошли туземцы?

– Не знаю, – сказала мартышка-мама, продолжая покачиваться на хвосте и прислушиваться к Нейтральной Тропе, – они так говорят, как будто произошли от нас...

В это время Находчивый подошел к груше и снова увидел все тех же мартышек на все той же ветке дикой груши. Это были первые живые существа, которых он увидел после своего предательства, и ему было приятно их видеть. Ему вдруг показалось, что в мире ничего не изменилось, в мире все осталось, как было. Вот дикая груша, как она росла, так она и растет, вот обезьяны на ней, как отрабатывали свой вертикальный прыжок, так и отрабатывают. И все, все осталось по-прежнему... Ему вдруг страшно захотелось поговорить с кем-нибудь, хотя бы с этими мартышками.

– Эй, там, на дереве, – крикнул он снизу, – тряхни-ка ветку, грушами хочется побаловаться!..

Молчание. Только слышалось равномерное поскрипывание ветки, на которой качалась мартышка-мама. И снова Находчивому стало как-то неприятно, скучно.

– Жалко, что ли?! – крикнул он вверх.

Опять молчание. Неужели все-таки удав прополз к реке, где сидит Задумавшийся?

– Слушай, – крикнул он снова мартышке, – здесь никто... не проходил в сторону реки?!

Тягостное молчание. Но мартышка долго молчать не может.

– Ты хотел сказать – никто не прополз, – наконец ядовито ответила она.

Знает, с ужасом подумал он и в то же время почувствовал злость на эту чересчур развязную мартышку.

– Я хотел сказать именно то, что я сказал, – надменно ответил он и замолк.

– Ой, какой наглый, – прошептала мартышка-дочка.

– Сейчас я сделаю вертикальный прыжок и плюну ему в лицо, – решительно прошептала мартышка-мама, – а ты проследи, как я буду делать захлест...

– Плюнь ему в лицо, мама, плюнь! – радостно прошептала мартышка-дочка и от волнения заерзала на ветке.

Мартышка-мама раскачалась на хвосте и полетела вниз. Она зацепилась хвостом за самую нижнюю ветку над самой головой Находчивого. Хрястнула ветка, за которую зацепилась мартышка, и град груш посыпался на землю. Находчивый от неожиданности страшно испугался и впервые в жизни, несмотря на свою находчивость, не сразу понял, в чем дело. Он еще не знал, что душа, совершившая предательство, всякую неожиданность воспринимает как начало возмездия.

– Ой, – наконец перевел дыхание Находчивый, – это ты, мартышка?

– Нет, карающий ангел свалился с небес, – съязвила мартышка, покачиваясь на хвосте.

– При чем здесь карающий ангел? – холодно ответил Находчивый. Он уже успел прийти в себя и принять вид, подобающий Королевскому Глашатаю.

– А при том, – ответила мартышка-мама, – что можешь заткнуться со своей песней, потому что кое-кто кое-куда уже давно прополз...

– При чем здесь удав?! – закричал Находчивый, теряя самообладание. – Я не позволю! Я Королевский Глашатай! Я буду жаловаться! Я! Я! Я!

– А между прочим, я ничего не говорила про удава, – сказала мартышка, продолжая качаться на хвосте.

– Нет, говорила! – закричал Находчивый. – Это безобразие! Это издевательство над Королевским Глашатаем! Ты тренируешься над Нейтральной Тропой! Я этого так не оставлю!

А в самом деле, над Нейтральной Тропой тренироваться не положено, и вообще лучше с ним не связывайся, подумала мартышка. Отменив обещанный плевок, она молча полезла вверх, а Находчивый пошел дальше, возмущенно жестикулируя ушами и что-то бормоча.

– Ну что, плюнула? – спросила мартышка-дочка, когда мать долезла до верхней ветки и уселась рядом с дочкой.

– Еще как! – ответила та.

– А он что? – спросила дочка.

– А что он? Утерся и пошел.

– Мама, – сказала мартышка-дочка, – а что если я сбегая, предупрежу Задумавшегося...

– Не стоит вмешиваться, – ответила мартышка-мама и добавила: – Да, пожалуй, уже поздно...

– А вдруг успею! – воскликнула мартышка-дочка. – У меня ведь очень быстрый горизонтальный прыжок...

– Нет, и все! – сказала мартышка-мама более строгим голосом. – Ты еще маленькая, чтобы вмешиваться в такие дела.

– Мама, мамочка! Прошу тебя! Я побегу! Я полечу! Я успею! – умоляла мартышка-дочка свою мать.

– Нет! – еще строже и непреклонней отвечала мать. – Ты еще многого не понимаешь... Мне тоже жалко Задумавшегося... Его учение и для нас представляет интерес... Но он слишком далеко заходит... Слишком...

– А мне его так жалко, – теперь поняв, что мать никуда ее не пустит, разрыдалась мартышка-дочка, – он там сидит и думает, а его уже предали.

– Что делать, – вздохнула мартышка-мама и, посадив дочку к себе на колени, стала гладить ее по голове, – туземцы говорят, что наука – это такое божество, которое требует жертв... Если кролики перестанут пастись в огородах туземцев, может, встанет вопрос, что и мы должны оставить кукурузу туземцев... Задумавшийся слишком далеко заходит...

– Но ведь, мама, ты сама говорила, что туземцы от нас произошли, – напомнила дочка, постепенно успокаиваясь, и потерлась головой о подбородок матери. Так она напоминала матери, чтобы та поискала у нее в голове блох.

– Во-первых, это не я так говорю, это они так говорят, – сказала мартышка-мама и, щелкая ногтями, стала рыться у нее в голове, – а во-вторых, когда дело касается кукурузы, они,

забывая о нашем родстве, травят нас собаками и ставят свои капканы, омерзительные, как пасть крокодила... Ну что, может, еще раз попробуем вертикальный?

– Только не сегодня, – грустно отвечала мартышка-дочка, – я слишком наволновалась...

– Тогда пошли домой, – сказала мартышка-мама, – расскажем нашим все, что мы видели и слышали... Интересно, чем это все кончится...

– Пошли, – уныло согласилась дочка, и они, перепрыгнув на магнолию, исчезли в глянцево-листве магнолиевой рощи.

А между тем Находчивый уже прошел почти всю Нейтральную Тропу и выбрался на небольшой луг, расположенный недалеко от первых кроличьих поселений. Всю дорогу он думал о случившемся и теперь почти успокоился и забыл про мартышек.

Во-первых, думал он, может, удав полз к реке по своим собственным надобностям. Во-вторых, может, Задумавшийся прав, и удав не сможет его обработать, а в-третьих, вон какие тучи идут с юга. С минуты на минуту начнется гроза, и Задумавшийся не станет в грозу сидеть на открытом холмике. И чем больше он находил шансов для Задумавшегося, тем бодрей он становился.

И вот на этом лугу у первых кроличьих поселений он вдруг встретил жену Задумавшегося.

– Ты что тут делаешь? – спросил он у нее после первых приветствий.

– Да вот клеверок на зиму заготавливаю, – ответила она, вздохнув. – Мой-то все думает...

– Ты же пособие от Короля имеешь, – удивился Находчивый.

– Две морковины на шесть ртов? – сказала крольчиха, подняв голову. – Нет, я благодарна Королю, но все-таки приходится крутиться...

– Должно быть, будет гроза, – задумчиво сказал Находчивый и посмотрел на небо. В самом деле очень черные, очень обнадеживающие тучи ползли с юга.

– Так я ведь тут рядом живу, – сказала крольчиха, мельком взглянув на небо.

– Послушай, а твой, если его застанет гроза, домой приходит? – вдруг спросил Находчивый.

Тут жена Задумавшегося решила, что Находчивый намекает. Когда-то в молодости они оба были в нее влюблены, но она тогда по молодости выбрала Задумавшегося, о чем теперь очень сожалела.

– Ну, что ты, – сказала она и махнула лапой, – да он там сидит с утра до ночи и думает. Да его днем палкой домой не загонишь...

– Нет, в самом деле, – спросил Находчивый, – там же открытый холмик... Что ж, он будет целый день мокнуть?

– Но я же лучше знаю, – отвечала крольчиха, заглядывая в глаза Находчивому. – Так что заходи, угощу, чем бог послал...

– Нет, спасибо, – сказал Находчивый, наконец поняв ее намек, но решив, что это уже будет слишком, – мне отчитаться надо перед Королем...

– Да, – вздохнула крольчиха, – ты теперь вон какая шишка... Куда тебе к нам...

– А-а-а, – махнул лапой Находчивый, – ничего особенного... Ну, допущен, ну, можно вдосталь поесть, попить... Да не в этом, оказывается, счастье...

– Все вы так говорите, – снова вздохнула жена Задумавшегося, – а у меня от клевера оскомина... Мой-то дурак тоже мог бы, да не захотел.

– Ну, ладно, до свидания, – сказал Находчивый и двинулся дальше, чувствуя, что настроение у него делается все хуже и хуже.

– До свидания, – отвечала крольчиха и снова начала косить резцами клевер. – А то, если надумаешь, заходи... Худо-бедно... Чем бог послал...

Находчивый как-то неопределенно кивнул и пошел через луг, срезая его так, чтобы выйти поближе к Дворцовой Лужайке.

Задумавшийся сидел на своем зеленом холмике возле реки. Налево от него расстилались пампасы, а направо был хорошо виден широкий Лягушачий Брод. Печальными и вместе с тем проницательными глазами следил Задумавшийся за окружающей жизнью. А точнее сказать, проницательными и именно потому печальными глазами следил Задумавшийся за окружающей жизнью.

Вот комар зазевался и слишком низко пролетел над Лягушачьим Бродом, и его схватила лягушка. А там лягушка зазевалась, и ее копьём клюва пронзила цапля. А там цапля, завистливо глядя на другую цаплю, глотающую лягушку, зазевалась, и ее в свою ужасную пасть затолкал крокодил. А там туземцы сумели поймать в сетку зазевавшегося крокодила, после чего, разрубив его на аппетитные (как им казалось) куски, погрузили в лодку и переправились на тот берег. Но не успели они доплыть до своей деревни, как одного из них, слишком низко наклонившегося над водой, сумел выхватить из лодки другой крокодил.

– И это они называют жизнью, – сказал Задумавшийся, кивая сидящему рядом с ним Возжаждавшему.

– Учитель, – ответил Возжаждавший, – все-таки мне кажется, если бы ты в тот раз обещал кроликам сохранить воровство, мы бы выиграли дело. Ты был так близок к победе. Неужели нельзя было один раз солгать ради нашей прекрасной цели?

– Нет, – ответил Задумавшийся, – я об этом много раз думал. Именно потому, что живая жизнь все время движется и меняется, нам нужен ориентир алмазной прочности, а это и есть правда. Она может быть неполной, но она не может быть искаженной сознательно даже ради самой высокой цели. Иначе все развалится... Мореплаватель не может ориентироваться по падающим звездам...

– Но ведь победа была так близка, Учитель, – напомнил Возжаждавший тот великий день, когда кролики чуть не скинули Короля.

– И все-таки нельзя, – повторил Задумавшийся, – ведь если мы победим большую несправедливость по отношению к кроликам, у нас появится возможность избавиться от малой несправедливости по отношению к чужим огородам. Кроме этого, откроются и другие малые несправедливости в жизни кроликов, в том числе и новые. Например, кролики могут загордиться, объявить, что они избавили джунгли от страха перед удавами, что они теперь высшие существа... Мало ли что... И запомни, как только мы освободимся от этой великой несправедливости, для рядового кролика она мгновенно забудется, исчезнет. И любая из новых мелких неприятностей мгновенно займет те душевные силы, которые отнимал смертельный страх кроликов перед удавами. Такова жизнь, таков закон обновления тревоги, закон самосохранения жизни.

– Но ведь сейчас получается еще хуже, – возразил Возжаждавший, чувствуя, что Задумавшийся слишком далеко отходит, – кролики остались верны Королю.

– Пока – да. Сознание кроликов развращено великой подлостью удавов. К этой великой подлости они приспособили свои маленькие подлости, в том числе и подлость подворовывания плодов с туземных огородов. Расшатывать это сознание – вот наша нелегкая задача.

– Но где уверенность, Учитель? – спросил Возжаждавший. – А если все так и останется?

– Есть нечто более высокое, чем уверенность, – надежда, – отвечал Задумавшийся. – Вчера я здесь сидел один, а сегодня сюда пришел ты, хотя это невыгодно и опасно.

– Ну, хорошо, – снова возразил Возжаждавший, – не надо было лгать. Но мог же ты промолчать про эти проклятые огороды туземцев? Мы бы сначала скинули Короля, а потом получили бы самые удобные возможности расшатывать сознание.

– Нет, нет и нет, – повторил Задумавшийся, – я об этом много думал. Дела всех освободителей гибли из-за этого. Каждый из них, увлеченный своей благородной задачей, невольно рассматривает ее как окончательную победу над мировым злом. Но, как я уже говорил, когда

исчезнет то, что зло сейчас, мгновенно наступит то, что зло – завтра. Этого не понимали все немудрые освободители и потому, добившись победы, впадали в маразм непонимания окружающей жизни.

– А мудрые освободители? – спросил Возжаждавший.

– А мудрые освободители, – усмехнулся Задумавшийся, – до победы не доживали... Почему немудрые, победив, впадали в маразм? – продолжал Задумавшийся. – Не понимая закон обновления тревоги, они воспринимали забвение освобожденными от того зла, от которого они с его помощью освободились, как чудовищную неблагодарность. Поэтому они искусственно заставляли освобожденных, склонных забывать о своем освобождении, справлять праздники освобождения. В конечном итоге освобожденные и освободители проникались тайной взаимной ненавистью. Освободители, думая, что они сделали своих соплеменников счастливыми, но те по глупости этого не могут осознать, старались день и ночь вдалбливать в них это сознание. Освобожденные, зная, что освобождение не сделало их счастливыми, злились на освободителей за то, что они обещали их сделать счастливыми, но не только не сделали, но еще и заставляют признавать то, чего они не чувствуют, а именно – счастье освобождения. Потерявшие идеал начинают идеализировать победу. Победа из средства достижения истины превращается в самую истину. Запомни: там, где много говорят о победах, – или забыли истину, или прячутся от нее. Вспомни, как любят удавы говорить о своих ежедневных победах над кроликами, и вспомни, как наш лицемерный Король каждое случайное снижение количества проглоченных кроликов удавами объявляет очередной победой кроликов, а каждое повышение количества проглоченных кроликов – временным успехом удавов.

– Вот бы мы его и скинули тогда, – бил в одну точку Возжаждавший, – если б ты промолчал, когда дело запахло капустой.

– Нет, нет и нет, – так же упрямо повторял Задумавшийся, – я об этом много думал. Дела всех преобразователей гибли из-за этого...

– Ты это уже говорил, Учитель, – перебил его Возжаждавший, – до меня твои мысли доходят лучше, когда ты через какой-нибудь пример из нашей жизни что-нибудь доказываешь...

– Хорошо, – сказал Задумавшийся и, немного подумав, добавил: – Вот тебе пример. Представь, что за кроличьим племенем гонится один обобщенный удав. Кролики устали, кролики бегут из последних сил, и вот они приближаются к спасительной реке. Река их спасает, потому что кролики ее перейдут вброд, а этот обобщенный удав, представь, страдает водобоязнью. Если кролики добегут до воды, они будут обязательно спасены. Но многие из них еле волочат ноги. А до реки еще осталось около ста прыжков. Так вот, имеет ли право вожак, чтобы взбодрить выбившихся из сил, воскликнуть: «Кролики, еще одно усилие! До реки только двадцать прыжков!»?

– Я полагаю, имеет, – сказал Возжаждавший, стараясь представить всю эту картину, – потом, когда они спасутся, он им объяснит, в чем дело.

– Нет, – сказал Задумавшийся, – так ошибались все преобразователи. Ведь задача спасения кроликов бесконечна во времени. Перебежав реку, кролики получают только передышку. Наш обобщенный удав найдет где-нибудь выше или ниже по течению переброшенное через реку бревно и будет продолжать преследование. Ведь удав у нас обобщенный, а любителей крольчатины всегда найдется достаточно...

– Значит, я так думаю, надо сохранить право на ложь для самого лучшего случая?

– Нет, – сказал Задумавшийся, – такого права нет. Как бы ни были кролики благодарны своему вожаку за то, что он взбодрил их своей ложью, в сознании их навсегда останется, что он может солгать. Так что в следующий раз сигнал об опасности они будут воспринимать как сознательное преувеличение. Но и вожак, солгав во имя истины, уже предал истину, он ее обесчестил. И насколько он ее обесчестил, настолько он сам ее не сможет уважать... Она его будет раздражать...

– Господи, как все сложно! – воскликнул Возжаждавший. – Что же нам делать?

– Расшатывать уверенность кроликов в том, что удавы их гипнотизируют. Развивая свою природу, кролик невольно, по слабости, может спотыкаться, даже впадать в огородный разгул, но идеал должен оставаться твердым и чистым, как алмаз. Я же говорил, что моряк не может ориентироваться по падающим звездам. И дело не в количестве ошибок и заблуждений, а в другом. Пока кролик, очнувшись от огородного разгула, осознает его как падение, будущее не потеряно. Поражение начнется тогда, когда он свое падение станет оправдывать своей природой или законами джунглей. Тут начинается измена идеалу, ложь, из которой нет выхода.

– Учитель! – неожиданно крикнул Возжаждавший. – Сюда ползет удав. Впервые вижу, чтобы удав охотился на открытых пространствах.

– Ну и что, – сказал Задумавшийся, – ты ведь знаешь, что их гипноз – это наш страх.

– Вообще-то да, – замялся Возжаждавший. – Ну а вдруг?

– Тогда отойди, и ты увидишь, что все, что я говорил, – правда.

– Мне стыдно, Учитель, но страх сильнее меня...

– Я тебя не осуждаю... Ты еще недостаточно долго думал... Когда после мучительных раздумий тебе открывается крупица истины, ты, защищая ее, делаешься бесстрашным...

– А все-таки, Учитель... Ведь тот был одноглазый инвалид... Может, ускорим, пока не поздно?..

– Этого удовольствия я Королю не доставлю, – ответил Задумавшийся, глядя, как удав выползает на его зеленый холмик, где он провел столько дней в раздумьях о судьбе своих братьев-кроликов.

Между тем удав выползал на холм. Это был тот самый, юный, теперь уже просто молодой удав, которому когда-то Косой рассказывал о своих злоключениях.

Он первым услышал песню Глашатая и, по принятому среди удавов обычаю, получил «право на отглот». Время от времени Король через того или иного Глашатая предавал того или иного кролика, и удавы к этому давно привыкли.

Право на отглот считалось подарком судьбы, верняком. Юный удав сначала сильно обрадовался, получив это право, но теперь он был не очень доволен.

Начать с того, что на пути сюда он встретил крота и спросил у него, как лучше выйти к зеленому холму напротив Лягушачьего Брода. И что же? Оказывается, крот пустил его по неверной дороге, и он, проплутав в джунглях несколько лишних часов, с трудом нашел этот проклятый зеленый холм.

Поняв, что крот его обманул, он был потрясен бессмысленностью этого обмана. Зачем? Зачем он меня обманул, думал удав и никак не мог понять. Во-первых, удавы кротов вообще не трогают. А во-вторых, крот и не знал, куда и зачем он ползет. Ну, если бы его обманула дикая коза или индюшка, тогда было бы все понятно: удавы глотают не только кроликов. Но за что обманул крот? Кому это выгодно? Ведь ясно, что кроту нет никакой выгоды от этого обмана. Тогда зачем?! Зачем?! Зачем?!

Теперь, добравшись до зеленого холма, он был неприятно поражен видом открытого пространства, на котором ни одного дерева, ни одного куста, где можно было бы спрятаться в ожидании добычи. Какая бесплодная местность, думал он, не дай бог здесь жить.

Доползая до вершины зеленого холма, он вдруг обнаружил, что там вместо одного кролика его ожидают два. Он знал, что кролики очень быстро размножаются, но никогда не думал, что это у них происходит с такой сказочной быстротой. Собственно говоря, кто из них Задумавшийся и кто кого родил?

Медленно подползая, он издали оглядывал обоих, на всякий случай стараясь обоим внушить, что он именно его собирается обработать. Теперь, приблизившись к кроликам, он пытался дышать спокойней и не выдавать своей усталости. По обычаю удавов считалось, что удав перед обработкой кролика должен выглядеть бодрым, свежим, полным веселой энергии.

– Слушай меня внимательно, – сказал Задумавшийся, – я сейчас буду проводить опыт с этим удавом, а ты стой в сторонке и наблюдай. На каком расстоянии по сводке бюро прогноза сегодня действует гипноз?

– На расстоянии трех прыжков, Учитель! – воскликнул Возжаждавший, не спуская глаз с подползающего удава.

– Прочерти борозду на расстоянии двух прыжков от меня, – сказал Задумавшийся спокойно.

– Но ведь это опасно, Учитель?! – попробовал возразить Возжаждавший.

– Не спорь, у нас слишком мало времени, – поторопил его Задумавшийся.

Удав уже полз по гребню зеленого холма и был от них на расстоянии десяти прыжков. Возжаждавший не заставил себя долго упрашивать. Он сделал два прыжка от Учителя в сторону приближающегося удава, и это были далеко не самые удачные его прыжки, хотя он очень не хотел рисковать жизнью Учителя.

Тем не менее он прочертил борозду, как сказал Учитель, и сразу же сделал десяток прыжков в сторону от удава, и каждый прыжок был удивительно удачен, хотя он изо всех сил сдерживал себя. Теперь он сидел на довольно безопасном расстоянии и с замирающим от волнения сердцем следил за происходящим.

Удав подползал все ближе и ближе. Он никак до сих пор не мог решить, на какого из этих двух кроликов распространяется право на отглот. И если один из этих кроликов родил другого, то не может ли он осуществить отглот обоих кроликов, ссылаясь на свое опоздание? Или на преждевременные роды в процессе заглота? Или не стоит?

Станные действия кролика, который сначала прыгнул в его сторону и прочертил какой-то кабалистический знак, а потом и вовсе отскочил, внушали ему сильные подозрения. Тут что-то не то, думал он, стараясь быть как можно осмотрительней.

Теперь в движениях его огромного тела чувствовалось какое-то противоречие. Та часть тела, которая была поближе к голове, явно замедлила свои движения, тогда как хвостовая часть нервно извивалась, как бы раздраженная медлительностью своего начала. Кончик хвоста нетерпеливо пошлепывал по траве, выбивая из нее небольшие струйки пыли.

Предельно замедлив свое продвижение, молодой удав осторожно приблизил голову к борозде, понюхал ее языком и внимательно оглядел, стараясь понять ее коварное назначение.

– Ты видишь, – сказал Задумавшийся, – даже удав, вырванный из привычных обстоятельств, сразу же теряется.

– Да! – крикнул Возжаждавший в сильнейшем волнении. – Я вижу, но хвостовая часть сильно напирает!

– Так и должно быть, – спокойно пояснил Задумавшийся, – приказывает желудок, а голова удава – это только служба заглатывания...

Но тут удав остановился в полной нерешительности. Он даже слегка покосился на второго кролика, думая, не взяться ли за него. Неожиданная борозда, а главное, спокойный голос этого кролика слишком смущали его.

Но в это мгновение Задумавшийся, наконец, замер, уши у него опустились, а глаза стали покрываться приятной поволокой. Удав снова взбодрился и, уже не спуская глаз с этого кролика, продвинул голову за черту. Кролик был довольно худой, и ему мельком подумалось, что Король кроликов именно таких нежирных кроликов предает, чтобы жирными питаться самому. Он, конечно, знал, что кролики кроликов не едят, но сейчас почему-то забыл об этом.

– Учитель, Учитель! – крикнул Возжаждавший. – Ты, кажется, засыпаешь? Проснись!

– Не беспокойся, все идет правильно, – ответил Задумавшийся, стараясь своим голосом не испугнуть удава.

– Но зачем так рисковать, Учитель! – снова крикнул Возжаждавший.

– Мой подопытный удав слишком вяло работает, – ответил Задумавшийся, – я ему помогаю...

Удав, уставив на Задумавшегося свои омерзительные глаза, продолжал медленно переползать борозду.

– Что делает взгляд удава страшным? – продолжал Задумавшийся свои наблюдения. – Полное отсутствие мысли... В сущности, что такое удав? Удав – это ползающий желудок.

– Учитель, он уже совсем близко! – крикнул в ужасе Возжаждавший. – Прыгай в сторону!

– Ничего, я успею, – отвечал Задумавшийся и продолжал наблюдать за удавом.

Удав наползал, сосредоточив все свои силы на священном ритуале гипноза, то есть стараясь не спускать с кролика глаз. Но на этот раз все происходило как-то необычно, странно. Нервы молодого удава были слишком напряжены.

Обрабатываемый кролик вел себя оскорбительно. И главное, от него шла утечка информации – и куда! В сторону кролика, даже не находящегося в сфере обработки. Такие ляпсусы Великий Питон никогда не прощал.

Младой удав сейчас так жалел, что пустился на эту авантюру (ничего себе верняк!), так ненавидел этого Глашатая! Но ничего не поделаешь, теперь уже отступить было поздно...

– Слушай меня, – продолжал Задумавшийся спокойным голосом, – я полностью в сфере лжегипноза, и я ничего не чувствую, кроме его дыхания, правда, достаточно зловонного... Я полностью владею своими чувствами и конечностями. Моя речь, с научной точки зрения, должна служить доказательством моей полной вменяемости... Запомни это на случай, если Король объявит все, что я говорю, гипнотическим бредом. Сейчас я произведу ряд действий в заранее мною же предсказанной последовательности.

– Скорей, Учитель, скорей! – крикнул Возжаждавший, от нетерпения подпрыгивая на месте.

Удав уже был на расстоянии одного прыжка и тревожно прислушивался к словам Задумавшегося. Несколько раз он уже порывался ответить на его оскорбления, но строгие обычаи соплеменников запрещали заговаривать или вступать в дискуссию с обрабатываемым кроликом.

– Итак, я сейчас шевельну правым ухом, – сказал Задумавшийся, – потом левым. Потом обоими сразу... А потом три раза фыркну с промежутками между каждым фырком...

И вдруг удав, покрываясь холодным потом, с ужасом заметил, что правое ухо обрабатываемого кролика приподнялось и шевельнулось. И тут он сам, нарушая священный ритуал, перевел взгляд на левое ухо, которое тоже как-то задумчиво приподнялось и как-то укоризненно шевельнулось, хотя он изо всех своих гипнотических сил приказывал и даже униженно умолял кролика не шевелиться.

После этого к полной панике удава оба уха шевельнулись одновременно, и, согласно собственному предсказанию, кролик начал фыркать. И тут нервы молодого удава не выдержали.

– Я не могу так работать! – крикнул он. – Что ты фыркаешь мне в лицо! Что ты ерзаешь ушами, разговариваешь!

– Все правильно! Победа! Победа! – крикнул Возжаждавший, приплясывая и хлопая лапками. – Ты все сделал точно, только фыркнул четыре раза!

– В последний раз я чихнул, – поправил его Задумавшийся. По голосу его видно было, что он сам доволен проделанным опытом. – Очень уж от него воняет... Кстати, не исключено, что на этом основана легенда о гипнозе. Возможно, что один из наших предков, не выдержав его дыхания, упал в обморок. Тогда воздух в джунглях был чище, потому что туземцев было гораздо меньше. И это послужило поводом для панических слухов...

– Победа! Победа! – закричал Возжаждавший, приплясывая на месте. – Победа разума!

– Не надо злоупотреблять словом «победа», – поправил его Задумавшийся, – даже если это победа разума... Я бы вообще выкинул это слово... Я бы заменил его словом «преодо-

ление». В слове «победа» мне слышится торжествующий топот дураков... Но я замолкаю, кажется, мой удав совсем увял...

С этими словами Задумавшийся замолк, опустил уши и стал прикрывать глаза. Удав попробовал было снова взяться за дело, но, почувствовав огромную усталость, расслабился и осел.

– Я должен передохнуть, – сказал он, стараясь скрыть смущение. Это было довольно позорное признание, но он и так уже заговорил, да и надо же было как-то объяснить остановку.

– Отдыхай, – согласился Задумавшийся, – только смотри, не усни и дыши немного в сторону...

– Мне с самого начала не повезло, – сказал удав, отчасти оправдывая свою вялость, – если ты такой умный, ответь мне, с какой целью меня обманул крот, какая ему от этого была выгода?

Он рассказал о том, как крот его обманул, когда он направлялся сюда для отглотта Задумавшегося. Между прочим, о том, кто его направил сюда, он благоразумно умолчал.

– Если бы это был козленок или дикая индюшка, – повторил он свой довод, который ему самому казался неотразимым, – я бы понимал, почему они меня обманули. Но почему обманул крот, какая ему от этого выгода?

– Затем, что крот – мудрое животное, – сказал Задумавшийся, – я всегда это знал.

– Это не ответ, – возразил удав, подумав, – он же не знал, куда и зачем я иду.

– Возжаждавший, – сказал Задумавшийся своему ученику, – обрати внимание на этот частный, но любопытный случай. Крот – мудр. Но если мудрость бессильна творить добро, она делает единственное, что может, – она удлиняет путь зла.

– А если я спешил помочь товарищу? – снова возразил удав.

– Ха, – усмехнулся Задумавшийся, – никто никогда не слышал, чтобы удав помогал товарищу.

– Почему же, – сказал удав, стараясь припомнить какой-нибудь подходящий случай из жизни удавов, – а Косому кто помог, когда кролик встал у него поперек живота?

– Во-первых, это уже история, – снова усмехнулся Задумавшийся, что удаву было особенно неприятно, – а во-вторых, знаем, как помогли...

– Ну и что, – сказал удав, еще больше уязвленный правильной догадкой Задумавшегося, – во всяком случае, удавы друг друга не предают, а кролики предают.

– Откуда ты это взял? – спросил Задумавшийся.

– А как ты думаешь, почему я здесь очутился? – ехидно спросил удав. Он почувствовал, что Задумавшийся совершенно не знаком с богатством и многообразием форм предательства.

– Не знаю, – отвечал Задумавшийся, – мало ли куда удав может забрести.

– Так знай, – отвечал удав, чувствуя, что превосходство знаний – тоже немалое удовольствие. – Король через Глашатая объявил, что ты здесь. А Глашатаем на этот раз был так называемый Находчивый кролик.

Младой удав без колебаний предавал предателя Глашатая. Он был обозлен на него за все свои мучения. Чтобы у Задумавшегося не оставалось никаких сомнений, он даже прочел ему песенку Глашатая.

– Расшифровать, чтобы не мучился? – спросил он у Задумавшегося.

– Ясно и так, – отвечал Задумавшийся, глубоко опечаленный этим предательством, – такого я не ожидал даже от нашего Короля. Ты слышал, Возжаждавший?

– Я потрясен! – воскликнул Возжаждавший. – Но, может, это провокация?!

Нет, – сказал Задумавшийся грустно, – я узнаю бездарный стиль нашего придворного Поэта... Ну, что ж, я осуществляю до конца коварный замысел Короля, чтобы ты потом мог его разоблачить...

– Что ты этим хочешь сказать, Учитель?! – в ужасе воскликнул Возжаждавший.

– Придется пожертвовать жизнью, – печально и просто сказал Задумавшийся.

– Не надо, Учитель! – воскликнул Возжаждавший. – Мне без тебя будет трудно... И потом Король объявит, что он был прав, что твоя смерть – результат неправильных научных выводов.

– А ты для чего? – отвечал Задумавшийся. – Ты же все видел... Моя смерть наконец раскроет глаза нашим кроликам на своего Короля. А насчет гипноза ты теперь все знаешь и все можешь повторить...

– Все равно, Учитель, – взмолился Возжаждавший, – я тебя очень прошу, не надо этого делать!

– Нет, – сказал Задумавшийся, – я не знал, что наш Король так глубоко погряз в подлости, раз он способен предавать кроликов удавам... Теперь от него все можно ожидать. Он может объявить, что я проводил свой опыт с больным малокровным удавом. Нет, это вполне здоровый, нормальный удав, и он сейчас сделает свое дело.

– А я не буду тебя глотать! – неожиданно воскликнул удав и слегка отполз назад.

После всего, что здесь случилось, он чувствовал великую неуверенность в гипнозе и теперь боялся опозориться. Он даже слегка отвернулся от Задумавшегося, как отворачиваются капризные существа от неугодного блюда.

– Молодец, удав! – радостно воскликнул Возжаждавший. – Хоть один раз в жизни делаешь доброе дело.

– Вы это можете называть как хотите, – презрительно прошипел удав и снова украдкой посмотрел на Задумавшегося, стараясь почувствовать, до чего у него худое и невкусное тело.

– То есть как это не будешь глотать? – строго спросил Задумавшийся.

– А вот так и не буду! – раздраженно воскликнул удав. – То крот меня обманул, то Глашатай обещал верняк, а ты тут ушами ерзаешь, разговариваешь, чихаешь в лицо!

– Я тебе не дам испортить свой опыт, так и знай, – сказал Задумавшийся и так строго посмотрел на удава, что тот слегка струхнул.

– Давай разойдемся по-хорошему, – мирно предложил удав, – я скажу, что не нашел тебя, тем более крот меня сбил с дороги. А вы тут еще расплодились... Откуда я знаю, кто из вас настоящий Задумавшийся? Может, ты нарочно жертвуешь собой, чтобы спасти настоящего Задумавшегося?

– Мы теперь оба Задумавшиеся, – сказал Возжаждавший, отчасти чтобы окончательно запутать удава, отчасти из тщеславия.

– Вот именно, – согласился удав, – мне дано право на отглот одного Задумавшегося, а вас тут двое. Я даже не понимаю, как вы могли родить друг друга? Кто из вас крольчиха?

– Ты видишь, как они плохо нас знают? – сказал Задумавшийся. – Миф о всезнающих удавах порожден кроличьим страхом.

– Судя по всему, – снова обиделся удав за своих, – ты тоже своих кроликов не очень-то знал...

– Это горькая правда, – согласился Задумавшийся, – но я тебя заставлю проглотить себя!

– Никогда! – воскликнул удав. – Кролик не может удава заставить себя проглотить!

– Ты еще не знаешь, насколько твой желудок сильнее твоего разума, – сказал Задумавшийся и стал замирать.

Младой удав презрительно отвернулся от него, потом несколько раз блудливо посмотрел на него и, убедившись, что кролик не шевелится, начал оживать и вытягиваться в его сторону.

– Конечно, – бормотнул он, глядя на Задумавшегося неуверенным и именно потому особенно наглым взглядом обесчещенного гипнотизера, – после долгой дороги перекусить не грех...

– Учитель, – крикнул Возжаждавший, – но ведь твоя смерть – это уход от борьбы! Ты оставляешь наше дело...

– Тихо, – спокойно остановил его Задумавшийся, – а то ты его опять запугаешь... Я любил братьев-кроликов и делал все, что было в моих силах. Но я устал, Возжаждавший.

Меня сломило предательство. Я знал многие слабости кроликов, знал многие хитрости Короля, но никогда не думал, что этот вегетарианец способен проливать кровь своих же кроликов. Я столько времени отдал изучению врагов, что упустил из виду своих. Теперь я боюсь за себя, я боюсь, что душа моя погрузится в великое равнодушие, какое бывает у кроликов в самый пасмурный день в самую середину Сезона Больших Дождей. Таким меня видеть кролики не должны... Ты будешь продолжать дело разума. И тебе будет во многом легче, чем мне, но и во многом трудней. Тебе будет легче, потому что я передаю тебе весь свой опыт изучения удавов, но тебе, милый Возжаждавший, будет и трудней, потому что твоя любовь к родным кроликам должна приучаться к возможностям предательства. Моя любовь этого не знала, и мне было легче... Я передаю тебе наше дело и потому пользуюсь правом на усталость...

Удав, который все это время напознал на Задумавшегося, старался не думать о том, что Задумавшийся довольно худой кролик, а, наоборот, стараясь думать, что Задумавшийся самый умный кролик, и он, проглотив его, лишает племя кроликов самого умного кролика и в то же время заставляет его ум служить делу удавов. Эта мысль его настолько взбодрила, что он...

– Учитель! – крикнул Возжаждавший в последний раз и зарыдал, потому что пасть удава замкнулась над Задумавшимся.

– Я покажу этой сволочи Королю! – горько рыдал Возжаждавший. – Я покажу этому выскочке Находчивому! Сволочи, какого Великого кролика загубили!

Удав, пошевеливая челюстями, незаметно уползал, прислушиваясь к рыданиям Возжаждавшего и одновременно ко вкусу проглоченного кролика. Он чувствовал не то стыд за то, что проглотил такого замечательного кролика, не то стыд за то, что проглотил его с такими долгими унижительными церемониями.

Как-то это все неловко получилось, думал он, зато теперь весь его ум во мне... Это точно. А вдруг и в самом деле нет никакого гипноза? Или мой перестал действовать... Нет, я просто слишком устал... Во всяком случае, одно точно, весь его ум теперь во мне... Когда его тело после переработки станет моим телом, его уму будет некуда деваться, и он станет моим умом...

Так думал молодой удав, уползая в джунгли, стараясь отгонять всякие тревожные мысли о своих гипнотических способностях. От тревожной неуверенности мысль его вдруг возносилась к самым радужным надеждам.

В конце концов, что мне гипноз, думал он. Имея сдвоенный ум кролика и удава, я могу стать первым среди соплеменников. Великий Питон, например, вообще не ловит кроликов, ему готовеньких подают... Еще неизвестно, кто теперь умней. И вообще, вдруг промелькнуло у него в голове, почему удавами должен править Питон? Правда, он близок нам по крови, но все-таки инородец.

– Удавами должен править удав! – вдруг громко прошипел он и сам поразился глубине и четкости своей мысли.

Уже действует, подумал он, а что же будет, когда кролик переварится целиком?

Тут он окончательно успокоился и, найдя теплое местечко в зарослях папоротника, свернулся и задремал, стараясь умнеть по мере усвоения Задумавшегося.

В тот же день весть о предательстве Находчивого распространилась в джунглях, чему, с одной стороны, способствовала мартышка, оповестившая об этом, можно сказать, все верхние этажи джунглей, а с другой стороны, конечно, Возжаждавший.

Кролики пришли в неистовое возбуждение. Некоторые говорили, что этого не может быть, хотя в жизни всякое случается. Они от всего сердца жалели Задумавшегося. В то же время они испытывали чувство стыда и тайного облегчения одновременно. Они чувствовали, что с них наконец свалилось бремя сомнений, которые им внушал Задумавшийся. Незвестная жизнь в условиях желанной безопасности и нежеланной честности казалась им тяжелей, чем сегодняшняя, полная мрачных опасностей, но и захватывающей дух сладости проникно-

вения на огороды туземцев. И чем сильнее они чувствовали тайное облегчение, тем горячее они жалели Задумавшегося и возмущались неслыханным предательством.

И хотя они, честно говоря, всегда не любили следовать его мудрым советам, теперь, когда его не стало, они искренне почувствовали себя осиротевшими. Оказывается, для чего-то нужно, чтобы среди кроликов был такой кролик, который наставлял бы их на путь истины, даже если они не собирались идти по этому пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.